

ЛИЦО В УПЛАТУ

ЛЕЯ МИРСКАЯ

Лея Мирская
Лицо в уплату

«Автор»

2026

Мирская Л.

Лицо в уплату / Л. Мирская — «Автор», 2026

В княжествах по обе стороны Каменного Перевеса долг можно передать вместе с восковым лицом. Лицо заставит книги признать нового должника, но не даст ему ни памяти, ни навыка, ни права отказаться. Смотритель Савель Ратич узнаёт, что прежний хозяин моста вписал его взрослого ученика Клима в пожизненный договор с речным духом. Чтобы спасти Клима, Савелю недостаточно уничтожить печать: договор нельзя расторгнуть, а два княжества привыкли закрывать чужими лицами собственные долги. Большая вода уже идёт, мост трещит, и самый простой выход — назначить нового человека, обязанного отвечать за всех. Савелю предстоит доказать, что имя не равно лицу, разделить опасную службу между согласными людьми и убедить дух принять договор без вечного хозяина. Но для этого придётся отказаться от власти над мостом, которая определяла всю его жизнь.

© Мирская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Чужое лицо у заставы	6
Глава 2. Ученик в книге воды	12
Глава 3. Два берега одного моста	19
Глава 4. Печать без памяти	26
Глава 5. Родич продаёт сходство	35
Глава 6. Дух под средней опорой	44
Глава 7. Девять дней до большой воды	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лея Мирская

Лицо в уплату

От автора

Мы узнаём близких по лицам и часто верим, что сходство означает продолжение: семьи, долга, обещания, права решать за другого. Эта история начинается там, где такое убеждение стало настоящей магией.

«Лицо в уплату» — роман о мосте между двумя княжествами, о зрителе и его взрослом ученике, о работе, которая действительно должна быть сделана, и о долге, который нельзя вручить человеку вместе с чужим обликом. Здесь договоры буквальны, река помнит обещания, а право отказаться иногда опаснее и честнее привычной покорности.

В книге нет простого решения, при котором достаточно уничтожить злую бумагу. Героям придётся отделить полезную службу от пожизненной власти, помощь — от назначения судьбы, память о предках — от права распоряжаться потомками. Мост должен устоять не потому, что один человек навсегда прикован к нему, а потому, что разные люди научатся точно называть свою часть общего дела.

Эту историю лучше читать не как спор против обязательств, а как вопрос об их границах. За сделанное приходится отвечать. Но ответственный человек не обязан становиться хозяином чужой жизни — даже ради спасения всех.

Глава 1. Чужое лицо у заставы

Человек с лицом покойного Мирона появился на вельском конце моста за час до рассвета.

Савель в это время лежал животом на мокром настиле и слушал левую цепь. Снизу гремела Межа. Весенняя вода поднялась до второй белой черты на средней опоре, тащила коряги и била ими в камень. Каждый удар отдавался в досках, но цепь отвечала ровно: низко на натяжении, коротко после отката.

— Ещё раз, — сказал он.

Клим у ворот повернул колесо на четверть. Створка левого затвора приподнялась. Вода рванула под мост, цепь вздрогнула, и Савель прижал ухо к дереву.

— Стой. Третье звено у барабана сухое.

— Вчера мазал.

— Вчера было вчера.

Ученик пробормотал что-то о людях, которые стареют медленнее своих цепей, но полез за маслёнкой. Ему было двадцать четыре, и он считал рассвет временем, когда разумные люди либо спят, либо заканчивают ночное дело. Савель в сорок шесть уже не делил работу на удобную и неудобную. Река не спрашивала, выспался ли смотритель.

Со стороны заставы звякнул долговой колокольчик.

Обычный путник бил один раз. Торговая телега — два. Тот, кого узнала княжеская книга долгов, заставлял бронзовый язычок дрожать сам по себе.

Колокольчик задрезжал трижды и замолк.

Под навесом стояла крытая телега. Лошадь парила в холоде, возница спал, завернувшись в кожу. Перед долговой доской ждал высокий мужчина в дорогом дорожном плаще. Свет фонаря падал ему на лицо.

Савель остановился.

Мирон Вежа утонул двенадцать лет назад у средней опоры. Савель сам вытащил его тело, сам закрыл ему глаза и три дня держал мост, пока вдова хоронила мужа на рубежном берегу. Лицо запомнилось не потому, что было красивым: широкие скулы, сломанный нос, ямка над левой бровью. Запомнилось, потому что после воды человеческие черты становятся чужими слишком быстро.

Теперь то же лицо смотрело на Савеля живыми серыми глазами.

— Мост закрыт до утренней проверки, — сказал Савель.

— Я заплачу двойной сбор.

Голос был не Мирона. Выше, мягче, с вельским растяжением гласных.

— Имя?

— Мирон Вежа.

Клим подошёл с маслёнкой в руке и замер.

— Это не мой отец.

Мужчина повернулся к нему. Лицо Мирона дрогнуло улыбкой, которой покойный никогда не улыбался.

— Не знаю тебя, парень.

Клим побелел. Савель встал между ними.

— Сними перчатку.

— На каком основании?

— Колокольчик признал долг. Пока не сверю, через затвор не пройдёшь.

Путник стянул правую перчатку. На среднем пальце темнело кольцо лицевой печати — тонкий серебряный ободок с бурым воском внутри. В воск был вдавлен рисунок кожи: складки

у глаза, линия носа, маленький шрам. Печать хранила узнаваемость лица так же, как ключ хранит форму замка.

— Добровольно надел? — спросил Савель.

— Разумеется.

— Знал, чьё лицо принимаешь?

— Моего двоюродного деда.

— У отца не было вельской родни, — сказал Клим.

— Я не обязан отвечать мальчишке.

— Ему двадцать четыре. И он сын человека, чьё лицо ты носишь. Как тебя зовут без печати?

— Рем Ворота.

— Зачем взял лицо Мирона Вежи?

— Оно принадлежит моему торговому дому по честной купчей.

Клим сжал маслёнку так, что масло выступило у носика.

— Лицо отца вам не принадлежит.

— Купчую писал судья.

Рем вынул из-за пазухи кожаный футляр. Внутри лежал лист с двумя вельскими печатями и одной семейной — Ратичей. Савель узнал её сразу: три мостовые дуги и косая зарубка. Семейным набором слепков распоряжался Яромир.

Купчая отдавала торговому дому право носить лицо Мирона Вежи для завершения незакрытых дорожных сделок, получения грузов и исполнения денежных обязательств. Носитель подтверждал добровольное принятие узнаваемости. О том, какие именно долги шли вместе с лицом, не было ни слова.

— Кто сказал, что Миронов слепок принадлежит Ратичам? — спросил Савель.

— Продавец показал книгу смотрителей. Вежа служил при мосте. Слепки работников хранились у смотрительского рода.

— Для опознания утонувших и раненых.

— В книге нет запрета на продажу.

— Значит, можно продать всё, что не успели запретить?

Рем пожал плечами.

— Я торговец. Покупаю права, которыми люди готовы распорядиться.

Клим выхватил купчую. Савель успел перехватить его запястье прежде, чем лист порвался.

— Отдай.

— Он пришёл с лицом отца! Ты знал, что слепок у Яромира?

После смерти Мирона Савель запечатал рабочий ящик и передал семейные вещи вдове. Слепок должен был остаться в мостовой книге до совершеннолетия Клина, затем его полагось расплавить при свидетелях. Савель помнил порядок. Не помнил только, проверил ли исполнение.

— Знал, что слепок был в книге. Не знал о продаже.

Рем забрал лист и разгладил край.

— Мои дела законны. Ваш семейный спор не должен задерживать товар.

— Какой товар?

— Краситель, сукно, три ящика стекла. Лицо нужно на рубежном берегу. Там остался складской пай Мирона.

— Отец был мостовым плотником, — сказал Клим. — Не купцом.

Савель вернул лист.

— До рассвета не проедешь. Колокольчик не различает деньги и службу. Книга покажет.

— Если стекло побьётся от ожидания, убыток запишу мосту.

— Запиши. Телегу под дальний навес. Лошадь пой из верхней бочки, не из реки.

В заставе пахло воском, пылью и мышами. На полках стояли дорожные книги двух княжеств: вельские в красной коже, рубежные в серой. Между ними лежала мостовая книга, обтянутая выцветшей синей тканью.

Клим вошёл следом и захлопнул дверь.

— Яромир продал лицо отца. Ты его остановишь?

— Сначала узнаю, что именно он продал.

— Лицо. Я видел.

— Печать даёт узнаваемость. Купчая обещает сделки. Колокольчик узнал долг. Это три разные вещи, пока книга не свяжет их.

— Ты всегда так говоришь, когда боишься назвать вора вором.

Савель снял мостовую книгу. На пряжке был знак смотрителя: две ладони над волной. Он приложил большой палец, металл потеплел и отпустил защёлку.

— Зажги второй светильник.

Клим не двинулся.

— Ты обещал матери расплавить слепок.

— Обещал проверить уничтожение после твоего совершеннолетия.

— Мне двадцать четыре. Четыре года прошло.

— Знаю.

— И ты не проверил.

— Не проверил.

Ответ не успокоил Клим, но лишил его следующего обвинения. Он сердито чиркнул огнём.

Запись Мирона нашли под двенадцатым годом. «Плотник мостового настила. Работа прекращена смертью. Денежная плата семье выдана. Лицевая печать хранится до совершеннолетия сына для сверки родства, затем подлежит расплавлению».

Ни склада, ни пая.

Ниже стояла поздняя приписка другими чернилами: «Неисполненная обязанность средней опоры следует лицу до назначения следующего».

Савель прочитал дважды.

— Что это? — спросил Клим.

— Не знаю.

— Ты смотритель.

— Поэтому и говорю, что не знаю, а не придумываю.

Буквы наклонялись влево, как у Тверда Ратича, прежнего смотрителя и дяди Савеля. Под строкой стоял знак подтверждения — отпечаток большого пальца Савеля.

— Твой, — сказал Клим.

— Мой.

— Ты подтвердил долг отца.

— Я подтверждал копию листа.

— Не читая?

Савель вспомнил зиму, запах лекарственной полыни в комнате Тверда и стопку страниц у кровати. Дядя велел сверить номера опор, Савель торопился на ледовую переправу. Он ставил палец там, где Тверд указывал ногтем.

— Видимо, эту строку не прочитал.

— Значит, всё законно? Твой палец, его запись, лицо у купца.

— Подтверждение существования строки не делает её законной.

— Но колокольчик признал.

— Колокольчик узнаёт связь. Не правоту.

Они нашли список помощников Тверда. Мирон значился вторым плотником средней опоры. Возле имени стояла помета: «Если смотритель не назван, ближайший обученный принимает удержание до выбора».

— Отец не был смотрителем, — сказал Клим.

— Нет.

— «Ближайший обученный» — не имя. Почему его лицо держит долг?

— Кто-то соединил помощника с преемником после его смерти.

— Тверд?

— Его рукой.

— И твоим пальцем.

В дверь ударили.

— Смотритель! — крикнул Рем. — Солнце взошло. Открывай или пиши отказ с печатью.

— Получит отказ, — сказал Савель.

— И уйдёт с лицом отца?

— Печать останется у него до разбора.

— По какому праву?

Савель хотел сказать: по моему праву смотрителя. Ответ уже поднялся к горлу. Если Яромир не имел права продавать слепок, это ещё не давало Савелю права отнять вещь у носителя без записи. Рем мог добровольно купить печать и не знать скрытого долга.

— Его проход остановлен до выяснения мостовой обязанности. Печать не заберу. Рем может снять её сам и пройти под собственным именем.

На доске Савель вывесил отказ: «Проход носителя лица Мирона Вежи задержан до сверки обязанности средней опоры. Долговой колокольчик признал мостовую связь, не указанную в купчей. Носитель вправе снять печать добровольно и пройти после обычной проверки. Товар может быть передан другому вознице».

— Вы хотите лишиться меня купленного права, — сказал Рем.

— Нет. Хочу не пустить скрытый долг на середину моста.

— Что случится?

— Не знаю.

— Удобно запрещать из-за незнания.

— Удобнее утонуть из-за уверенности.

Рем показал купчую собравшимся возчикам.

— Здесь две княжеские печати.

— И семейная печать человека, который не владел лицом.

— Докажите.

Клим подошёл почти вплотную.

— Сними его. Лицо отца. Сейчас.

— Я заплатил двенадцать серебряных.

— За что? За склад, которого не было? За долг, о котором тебе не сказали? Тебя обокрали, а ты держишься за лицо вора, потому что дорого заплатил.

Чтобы снять печать, нужно было сломать восковой мостик и произнести своё имя. Чужая узнаваемость уходила, серебро не портилось.

— На рубежном берегу меня ждут три сделки, — сказал Рем. — Без лица товары не выдадут.

— Покажи хоть одну точную запись, — потребовал Клим.

Рем отвёл взгляд. Он купил возможность собрать всё, что отзовётся на чужое лицо. Удачная находка могла стоить больше двенадцати серебряных. Неудачная привела его к долгу средней опоры.

— Тебе продали закрытый сундук, — сказал Савель. — Ты надеялся на серебро внутри. Там оказалась жерновая верёвка. Можешь тащить дальше, но на мост не войдёшь, пока не узнаешь, к чему она привязана.

Рем пригрозил вельским судьёй, велел отогнать телегу и ушёл к городу. Лицо Мирона исчезло в утренней толпе.

— Надо было сорвать печать, — сказал Клим.

— Тогда он стал бы потерпевшим от нас, а Яромир — почтенным продавцом.

На другом конце моста подняли рубежный флаг: требование открыть проход. Очередь растянулась до поворота. Над голосами низко гудела средняя цепь.

— После утренней волны поеду к Яромиру, — сказал Савель.

— Я с тобой.

— Ты останешься у затвора.

Клим коснулся языком сломанного зуба. Савель услышал собственный приказ со стороны. Он собирался разбираться с лицом отца Клима и оставлял взрослого сына дежурить, будто тому опасно знать правду.

— Почему хочешь ехать?

— Спрошу, откуда слепок. Потребую книгу продаж. Проверю, какие лица он ещё отдал. Не ударю его, если ты об этом.

Оставить мост можно было, если каменная мастерица Ружена примет утреннюю проверку опор, а рубежный писец — сигналы. Это требовало платы и двух записей. Проще велеть Климу остаться.

— Предложим Ружене проверку до полудня, — сказал Савель. — Если согласится, поедем вместе. Если нет, вызовем Яромира сюда.

Они открыли ворота. Первая телега въехала на настил. Савель проверял колёса и вес, Клим закреплял боковые петли. Работа возвращала вещам размеры: ширина оси, натяжение каната, расстояние между повозками.

На седьмой телеге долговой колокольчик снова задрожал.

У ворот стояла пожилая Дарья с корзиной яиц. Савель знал её; долгов у моста за ней не было. Он открыл малую книгу. Рядом с её именем появилась свежая белая строка: «Обязанность средней опоры следует лицу Мирона Вежи. Ближайший обученный — Клим Вежа».

Колокольчик звонил Климу, стоявшему под ним.

— Что написано? — спросил ученик.

Савель не закрыл книгу.

— Твоё имя.

— Какой долг?

— Средняя опора.

Вода ударила снизу так сильно, что мост вздрогнул. На середине пролёта белой линией поднялась фигура Омутника. Дух стоял по колено в потоке, хотя вода там была глубиной в пять человеческих ростов. Его лицо менялось с каждым бликом: Мирон, Тверд, Савель, Клим.

Лошади попятились. Савель опустил запорные жерди, остановив телеги до давки.

Серебряное кольцо Рема отозвалось где-то за домами тонким звоном. Мостовая книга раскрылась на приписке Тверда.

— Лицо должника вернулось к воде, — произнёс дух голосом из-под настила. — Следующий должен быть назван до большой воды.

Савель вышел за ворота.

— Мирон не был смотрителем.

— Его лицо приняло незавершённое.

— Человек с лицом не знал обязанности.

— Он согласился носить.

— Носить лицо — не значит держать опору.

Омутник повернул голову Клим на своих плечах.

— Тогда пусть ближайший обученный примет имя.

Клим шагнул вперёд.

— Я ничего не принимаю.

Дух улыбнулся его же ртом.

— До большой воды девять дней.

Белая фигура рассыпалась брызгами. Река ударила в опору, и третье звено у левого барабана издало сухой высокий звук.

Савель бросился к цепи. Клим был рядом раньше него. Они вместе закрыли створку на четверть, сняли лишнее натяжение и закрепили барабан.

Только когда цепь снова загудела ровно, Савель понял, что держит ученика за плечо.

— Не назову тебя, — сказал он.

Клим высвободился.

— Ты уже один раз подтвердил не читая.

— Больше не подтверждаю.

— Не решай за меня ни согласие, ни отказ. Покажи весь договор.

Савель хотел пообещать, что защитит его. Такие слова легко произносить наставнику. Они звучат как забота и незаметно делают второго человека слабее.

— Покажу, — сказал он. — И купчую, и книги, и мою отметку. Решать будем после того, как узнаем точную обязанность.

— Каждый за себя?

— Каждый за своё согласие. Вместе — за мост, пока приняли работу.

Клим подобрал маслёнку. Носик погнулся, половина масла вытекла на доски.

— Тогда начнём с третьего звена. Оно всё ещё сухое.

Они смазали цепь перед открытой книгой, в которой имя ученика появилось без его руки.

Глава 2. Ученик в книге воды

— Не назвать мало, — ответил Клим. — Надо вычеркнуть.

Савель убрал руку с его плеча. По настилу ещё бежала мелкая дрожь, но цепь уже пела правильно. Телеги за запорными жердями теснились, возницы кричали, а пожилая Дарья прижимала корзину к груди так, словно яйца могли защитить её от речного духа.

— До полудня мост закрыт, — объявил Савель. — Всем отвести лошадей за каменную черту. Плату за ожидание сегодня не берём.

— А убыток кто возместит? — крикнул кто-то из хвоста.

— Тот, кто пожелает ехать по воде, может предъявить счёт реке.

Спорить с рекой никто не захотел. Пока Клим разводил телеги по дворам у заставы, Савель вызвал Ружену тремя ударами в подвесную плиту. Звон ушёл по камню к рубежному берегу. Через несколько минут из служебной двери вышла низкая женщина в сером кожаном переднике, с молотком за поясом. Ружена ведала кладкой опор и всегда являлась так, будто её оторвали от более важного разговора с камнем.

— Видела белого, — сказала она вместо приветствия. — Средняя опора цела. Зачем закрыл?

— Книга назначила Клим ближайшим обученным.

Ружена посмотрела через его плечо. Ученик стоял у заставы и объяснял Дарье, как пройти обратно в город, не разбив яиц.

— Книга не мост, — сказала она. — От чернил камень не трескается.

— Омутник повторил запись.

— А от духа может. Что нужно?

— Прими опоры до полудня. Я должен поднять обе княжеские книги и исходную меру долга.

Ружена сняла с пояса молоток, дважды ударила по краю настила и прислушалась.

— Опоры приму. Затворы — нет.

— Клим останется у барабанов.

— Если книга уже тянет его к воде, у барабанов ему самое место или самое дурное. Пока не знаю.

— Он решит сам.

Ружена подняла бровь. Савель редко произносил такое вслух. Обычно он выдавал работу вместе с решением, потому что отвечал за мост и привык считать это достаточным основанием.

Клим вернулся, запер ворота и положил ключ на стол в заставе.

— Я иду читать.

— Кто останется у затворов?

— Ты хотел оставить меня, пока разбирался бы с моим долгом. Теперь сам спрашиваешь.

— Потому что работа никуда не делась.

— Поставь рубежного подмастерья.

— Гната? Он путает левый барабан с правым, если смотрит от Вельска.

— Тогда пусть встанет лицом к Рубежному и не оборачивается.

Ружена кашлянула, пряча смешок. Савель мог приказать. После явления Омутника это даже показалось бы разумным: удержать обученного человека у механизма, пока смотритель ищет выход. Но Клим имел право увидеть строку, ради которой его собирались привязать к средней опоре.

— Вызови Гната, — сказал Савель. — Покажешь ему знаки створок и пойдёшь в заставу. До нашего возвращения затворы не двигать без меня, Ружены или тебя.

— Без меня тоже, — отрезал Клим. — Пока не узнаю, что книга считает моим.

Они сели за стол втроём: Савель, Клим и два княжеских тома. Ружена осталась снаружи принимать опоры. Вельская книга была красной, с медными уголками; рубежная — серой, стянутой ремнём. Обе признавали не человеческую память, а лицо, удостоверенное печатью, свидетелями либо кровным сходством. Так было удобно на торгах, где сотни людей не знали друг друга. Так было удобно судьям, сборщикам и владельцам складов. Савель прежде думал, что неудобства начинаются только при ошибке.

Теперь он видел: ошибка могла быть встроена в сам порядок.

Клим придвинул свечу.

— Сначала вельская.

— Почему?

— Купчую на лицо заверили там.

Савель приложил мостовой знак к медной впадине на обложке. Книга открылась не сразу. Она не считала зрителя своим писцом и требовала назвать основание.

— Угроза мосту, — произнёс Савель. — Скрытая обязанность носителя лица Мирона Вежи.

Красные листы зашевелились. На чистой странице проступило имя Мирона, затем рядом — Рема Вороты. Буквы соединяла тонкая восковая черта.

«Носитель добровольно принял узнаваемость для взыскания имущества и исполнения обязательств».

— Исполнения каких? — спросил Клим.

Книга молчала.

— Назови полный перечень, — потребовал Савель.

Под первой строкой появились три записи: складской пай на рубежном берегу, доля в партии леса и обязанность средней опоры до назначения следующего. Возле склада стояло: «не подтверждено». Возле леса: «закрыто двенадцать лет назад». Только мостовой долг светился свежим бурым цветом.

— Значит, Яромир продал ему две пустые надежды и одну настоящую петлю, — сказал Клим.

— Рем добровольно принял лицо, — ответила книга голосом сухих страниц.

Клим отшатнулся. Княжеские книги редко говорили. Обычно они показывали запись, оставляя человеку право самому истолковать её. Голос означал, что вопрос затронул основание, на котором держались другие сделки.

— Он не знал про петлю, — сказал Савель.

— Неведение не отменяет принятого лица.

— Принято лицо. Не названная работа.

— Лицо удостоверяет человека перед обязательством.

— Но он не Мирон.

Красная книга закрылась так резко, что погасила край свечного пламени. На обложке выступила надпись: «Возражение требует суда Вельска».

— Очень удобно, — произнёс Клим. — Пока суд собирается, река выберет за него.

— Откроем рубежную.

Серая книга признала Климову ладонь прежде, чем Савель успел приложить знак. Ремень сам распустился. Листы перевернулись к записи семьи Вежей.

Мирон Вежа был отмечен как умерший. Ниже стояли имена вдовы и сына. Клим значился взрослым, самостоятельным, не принявшим отцовского ремесленного долга. Последние слова успели обнадёжить Савеля, пока из глубины бумаги не поднялась вторая строка.

«Ближайший обученный при лице прежнего помощника».

— Это я уже видел, — сказал Клим. — Покажи, что именно должен делать ближайший обученный.

Строка развернулась вниз, будто её вытягивали из воды.

Первое: являться к средней опоре по требованию зрителя или Омутника.

Второе: удерживать затворы во время большой воды.

Третье: входить под настил для проверки речной кладки.

Четвёртое: отвечать жизнью, если опора разрушена по небрежности службы.

Пятое: назвать следующего обученного до прекращения собственной службы.

Шестое: не покидать оба княжества дольше чем на три дня без замены.

Седьмое: принимать требования реки, если они сохраняют мост.

— Последнее можно растянуть до чего угодно, — сказал Клим.

— Да.

— А «жизнью» значит смерть?

Савель не стал смягчать.

— Значит, Омутник вправе удержать тебя под опорой, если сочтёт службу виновной в разрушении.

— До разрушения или после?

— В записи не сказано.

— Значит, он может решить заранее, что я плохо держал затвор.

Савель прочитал строки ещё раз. За годы он отправлял Клима смазывать барабаны, менять шпонки, спускаться на страховочной верёвке к ледорезу. Каждая работа делала ученика «ближайшим обученным». То, чем Савель гордился, книга превратила в удобную ручку для долговой петли.

— Каков срок? — спросил он.

Серая книга показала: «До назначения следующего зрителя и признания его рекой».

— Меня можно назначить зрителем? — спросил Клим.

— Княжества могут. Омутник должен признать.

— А если признает?

— Тогда ты примешь уже не временную обязанность, а весь договор.

— То есть выход из малого долга — взять больший.

Книга шелестом подтвердила: «Служба продолжается».

Клим встал и прошёл к окну. На мосту Гнат показывал Ружене левый рычаг, указывая при этом на правый. Ружена схватила его за ворот и развернула лицом к Рубежному, как советовал Клим.

— Сколько времени в году ты можешь уехать от моста? — спросил он.

— По старому договору семь дней с назначенной заменой.

— А без замены?

— Нисколько во время воды. Три дня летом.

— Ты знал?

— Про свою службу — да.

— Про эту запись?

— Нет.

— Но твой отпечаток под ней.

Савель не ответил. В заставе громко тикали водяные часы: капля за каплей падала в медную чашу. Обычно по ним меняли дежурных. Теперь каждый удар напоминал, что большая вода не станет ждать суда.

— Покажи исходную запись Тверда, — потребовал Клим у книги.

Серый лист остался пустым.

— Покажи лист, с которого снята эта копия.

На бумаге выступил остров, нарисованный одной линией.

— Архив, — сказал Савель. — Исходные договоры двух княжеств хранят на писцовом острове выше моста.

— Поедем сейчас.

— Нет.

Клим медленно обернулся.

— Почему?

— Весенняя протока у острова закрыта льдом. Лодка не пройдёт. Пеший наст раскис. Через два дня можно будет подняться на плоскодонке, если вода не ускорится.

— Через два дня останется семь.

— Поэтому до острова проверим копии, свидетелей и книги продаж Яромира.

— Мы?

— Мы.

Клим вернулся к столу.

— Тогда запиши мой отказ сейчас. Не обещание за меня, не твоё «не назову». Мой отказ.

Савель взял чистый лист.

— Говори.

— Я, Клим Вежа, не принимаю обязанность средней опоры, не соглашаюсь быть преемником Савеля Ратича и не разрешаю переносить на меня договор через лицо отца, обучение у моста или родство. Отдельную работу могу принять только после того, как она названа полностью: что делать, сколько времени, с каким риском и кто отвечает вместе со мной.

— Последняя фраза может быть истолкована как готовность.

— Это и есть готовность. Я не бегу от моста. Я отказываюсь от закрытого сундука.

Савель записал дословно. Клим перечитал каждую строку, исправил «обязательства» на «работу» и поставил своё имя обычным пером. Затем прижал большой палец к чернильной подушечке.

Рубежная книга втянула отпечаток. На мгновение Савелю показалось, что отказ принят: строка стала серой. Потом рядом проступили слова: «Лицо Мирона Вежи старше отказа сына».

Клим ударил ладонью по столу.

— Лицо старше живого человека?

— Для наследуемой обязанности — да, — ответила книга.

— Мирон умер.

— Лицо действует.

— Он не соглашался быть зрителем.

— Запись подтверждена.

— Савелем, который не читал!

— Отпечаток не хранит сомнений.

Савель ощутил у большого пальца старую боль, хотя шрам там давно побелел. Одно касание, сделанное в спешке у постели Тверда, пережило самого Тверда, пережило Мирона и теперь спорило с взрослым человеком лучше любого княжеского судьи.

— Тогда мой отпечаток отменяет подтверждение, — сказал Савель. — Я отзываю его.

— Подтверждённая копия не меняется без исходного договора или решения двух княжеских судов.

— А если я отрежу палец?

Клим посмотрел на него с испугом, но книга ответила спокойно:

— Утрата пальца не отменяет совершённого удостоверения.

— Не собираюсь, — сказал Савель Климу. — Проверял меру книжного упрямства.

— Мера большая.

Снаружи загремели копыта. К заставе одновременно прибыли два писца: вельский в красном плаще и рубежный в сером. Каждый держал свиток с княжеской лентой. Они едва не столкнулись в дверях и оба потребовали первенства своего берега.

— Мост закрыт уже две меры часа, — заявил вельский писец Неждан. — Княжеские красильни ждут квасцы. Открыть до полудня.

— Рубежные зерновые баржи подходят к подъёмному пролёту, — перебил серый писец Бран. — Поднять настил после полудня и держать до вечерней воды.

Открыть мост телегам и одновременно поднять пролёт для барж было невозможно. Обычно берега согласовывали часы накануне. Сегодня оба принесли приказы с одинаковым временем, будто решили проверить, чья печать тяжелее.

— Сначала другое, — сказал Савель. — Ваши книги признали мостовой долг по лицу Мирона Вежи и переносят его на Клима. Он отказался. Запишите отказ на обоих берегах.

Неждан прочёл лист, не снимая перчаток.

— Если обязанность уже следует лицу, отказ наследника опоздал.

— Я не наследник лица, — сказал Клим.

— Ты сын Мирона.

— Вот моё лицо. Оно не его.

— Родство удостоверено той же книгой.

Бран оказался осторожнее. Он спросил:

— Печать Мирона сейчас на ком?

— На вельском торговце Реме Вороте.

— Тогда первым отвечает носитель.

— Он может снять печать, — заметил Савель.

— Пока не снял, сын второй в очереди.

Клим усмехнулся без веселья.

— Значит, я не человек, а запасная доска. Если одна треснет, книгу не волнует, хочет ли следующая лечь над водой.

— Не надо громких слов, — сказал Неждан. — Мост служит всем. Кто-то обязан его держать.

— Тогда держите вы.

— Я не обучен.

— Удобно.

Савель положил между писцами копию полного перечня.

— Здесь не только работа. Здесь пожизненная привязка к двум княжествам, право духа требовать неназванное и ответ жизнью. Кто из ваших князей утверждал эту меру?

Оба писца прочитали и замолчали.

— Вельск признаёт заверенные лица, — наконец сказал Неждан. — Содержание мостовой службы относится к Рубежному.

— Средняя опора стоит на границе, — возразил Бран. — Договор заключали оба берега. Продажу лица заверил Вельск.

Они говорили так, словно перебрасывали горячий камень. Савель вдруг ясно понял, зачем в договоре понадобился один пожизненный смотритель. Пока один человек отвечал реке всем собой, княжества могли спорить о долях и всё же пользоваться целым мостом.

— Ни один приказ сегодня не исполню, пока берега не согласуют движение, — сказал он. — До полудня пропущу пеших по одному. Телеги останутся. Баржи станут выше сигнального камня.

Неждан побагровел.

— Красильни потеряют день.

— Если подниму пролёт под телегой, они потеряют телегу.

— Я привёз княжескую печать.

— Приклей её к затвору и попроси повернуться.

Бран спрятал улыбку в воротнике.

— А рубежный приказ?

— Такой же невозможный. Возьмите оба, сядьте под навесом и напишите один порядок.

Пока не напишете, мост выбирает безопасность.

Писцы вышли, продолжая спор уже друг с другом. Красная и серая книги на столе лежали раскрытыми. В каждой возле имени Клима светилась одна и та же отметка, но причины различались. Вельская считала сына продолжением лица, которое сама позволила продать. Рубежная считала его ближайшим обученным у места службы. Две разные дороги сходились в одном человеке.

— Если Рем снимет печать, что будет? — спросил Клим.

Савель положил серебряную счётную пластинку сначала на красную книгу, затем на серую, заставляя их дать совместный ответ.

«Узнаваемость Мирона останется без носителя. Обязанность ищет следующего по записи».

— Меня, — сказал Клим.

— Да.

— Если он не снимет?

«Первым отвечает признанное лицо. Ближайший обученный остаётся обеспечением».

— Всё равно меня.

— Вторым.

— Река умеет считать до двух.

У двери появился Рем. Он держал шляпу в руках, и лицо Мирона казалось от этого почти домашним. Серебряного кольца на пальце не было.

Клим вскочил.

— Снял?

Рем разжал ладонь. В ней лежала лицевая печать с переломанным восковым мостиком.

— Сказал своё имя и снял перед вельским судьёй, — ответил он собственным голосом, но черты Мирона ещё медленно сходили с его лица, словно отражение с потревоженной воды. — Судья меня не узнал. Книга не узнаёт. Купчая теперь записана на человека, которого для неё нет.

— Зато долг с тебя ушёл, — сказал Клим.

— Куда?

Красная книга перевернула лист сама. Бурая строка отделилась от имени Рема и поползла к имени Клима.

Савель прижал её мостовым знаком. Металл раскалился, но строка только остановилась между именами.

Из-под пола донёсся голос Омутника:

— Лицо освобождено. Ближайший обученный остаётся.

— Он отказался, — сказал Савель.

— Вода не читает будущих отказов против старого залога.

— Тогда читай старую работу точно. Мирон был плотником, не смотрителем. Клим учился затворам, но не принимал удержание опоры. Ты не получишь больше, чем было названо в исходном договоре.

Дух не ответил. В чаше водяных часов следующая капля замерла, набухла и упала вверх. На серой книге проступил мокрый след острова.

— Он зовёт нас к источнику, — тихо сказал Клим.

— Или торопит туда, где ему легче говорить.

Рем положил сломанную печать на стол.

— Верните двенадцать серебряных.

— Я не продавал, — сказал Савель.

— На купчей знак вашего рода.

— Получишь свидетельство, что право было продано без полного перечня долга. С ним взыщешь с Яромира.

— Суд не узнаёт меня без лица.

— Значит, сначала вернём тебе твоё имя.

— Как?

Савель посмотрел на две книги. Они легко узнавали мёртвое лицо, переходящий долг и старый отпечаток. Живого человека, добровольно снявшего чужую печать, они выбросили из порядка как ошибку.

— Свидетелями, — сказал Клим. — Я видел, как ты пришёл. Савель проверял твою перчатку. Возница знает тебя. Судья слышал, как ты назвал имя.

— Книга важнее свидетеля.

— Для книги — да. Для нас пока нет.

Рем посмотрел на Клима так, словно впервые видел не сына купленного лица, а человека.

Снаружи Ружена снова ударила в плиту. На этот раз три удара были быстрыми, тревожными. Савель выбежал на мост.

Вода у средней опоры почернела. Между камнями проступила тонкая белая струя — не трещина, а родник, бьющий наружу через кладку. Так Омутник отмечал место, где договор и работа разошлись.

— Опора держит, — сказала Ружена. — Но дух открыл шов. До вечера замажу, если он не вытолкнет раствор.

Клим встал рядом с ней и присел у края настила. Белая вода тянулась к его отражению.

— Не подходи, — сказал Савель.

Клим не отступил.

— Я не приму весь долг. Но шов проверить помогу. Точная работа, один спуск, две страховочные верёвки, Ружена сверху и ты у затвора. До заката. Запиши это отдельно.

— Река может счесть спуск согласием.

— Тогда пусть книги услышат условия.

Он повернулся к раскрытому окну заставы.

— Я, Клим Вежа, добровольно принимаю одну проверку восточного шва средней опоры до заката этого дня. Не принимаю преемство, пожизненную службу, чужое лицо и право Омутника требовать другую работу. Со мной отвечают смотритель Савель Ратич за затворы и каменная мастерица Ружена за страховку и кладку.

Серая книга зашелестела. Красная долго молчала, потом обе показали одну короткую строку: «Отдельная работа названа».

Белая струя у опоры перестала тянуться к Климову отражению.

Савель почувствовал не облегчение, а первую щель в стене. Книги признали то, чего прежде будто не существовало: работу можно было назвать по мере, сроку и общей ответственности. Не человека целиком — один его поступок.

Омутник ударил снизу в камень.

— До большой воды восемь дней и остаток, — проговорил он.

— Слышал, — сказал Савель. — А теперь слушай нас.

Глава 3. Два берега одного моста

К полудню на Вельском берегу стояли тридцать семь телег, а выше моста качались шесть рубежных барж.

Савель пересчитал и тех и других. Телеги сердились голосами возниц. Баржи сердились длинными гудками из бычьих рогов. Река между ними не сердилась вовсе: делала своё дело, поднималась по каменной опоре и несла под настилом серую пену.

Неждан и Бран так и не написали общего порядка. Они заняли разные концы стола под навесом, испортили по три листа и теперь спорили, чья потеря важнее. Вельские красильни без квасцов остановят чаны. Рубежное зерно без прохода отсыреет в трюмах. Каждый писец предлагал пропустить своё движение первым, а чужое отложить до вечера.

— До вечера вода поднимется на ладонь, — сказал Савель. — Тогда крайние баржи уже не пройдут под неподвижной частью.

— Значит, подними пролёт сейчас, — потребовал Бран.

— А телеги? — Неждан ткнул пером в очередь. — У нас есть княжеский приказ.

— У меня тоже.

— Ваш подписан младшим советником.

— Зато ваш составлен человеком, который считает воду сухой дорогой.

Савель забрал у обоих чернильницы.

— Раз вы пишете ими только оскорбления, они нужнее мне.

Клим стоял на средней площадке в страховочном поясе. Ружена обвязала его двумя верёвками: одну держали с вельской стороны, вторую с рубежной. Белый шов виднелся на восточной грани опоры в трёх локтях над водой. Чтобы проверить его, требовалось прикрыть левый затвор, ослабить поток у камня и на четверть поднять пролёт. То есть сделать понемногу всё, о чём спорили берега, не пропустив пока никого.

— Начнём с работы, без которой не пройдут ни телеги, ни баржи, — сказал Савель. — Проверим опору.

Неждан поднялся.

— Вельск не поручал ученику проверку.

— Клим поручил её себе сам. Назвал меру, срок и тех, кто отвечает рядом.

— Так не делается.

— Книги приняли.

Бран насторожился.

— Обе?

— Обе.

Писцы переглянулись. Впервые за всё утро они испугались одного и того же. Если человек мог принять отдельную работу без всего наследственного долга, княжеским канцеляриям пришлось бы называть цену каждого приказа. Уже нельзя было бы прятать вечную службу в короткой строке о пользе моста.

— Это частный случай, — сказал Неждан.

— Всякая петля сначала бывает частной, — ответил Клим сверху. — Особенно когда она на чужой шее.

Савель проверил узлы. Клим затянул пояс сам, но позволил наставнику дёрнуть каждую петлю. Это было не подчинение, а общая работа. Разницу Савель раньше понимал руками и редко — словами.

— Если трижды ударишь по камню, тянем вверх, — сказал он. — Если дважды — держим. Один раз — даём ещё локоть.

— Помню.

— Повтори.

Клим повторил, не закатывая глаза. Белая вода под ними делала шутки неуместными.

Ружена встала у рубежной верёвки.

— За кладку и страховку отвечаю я. Савель — за затворы. Ты — только за то, что увидишь и потрогаешь. Не вздумай чинить внизу.

— Почему?

— Потому что раствор у меня, руки у тебя холодные, а река ждёт, когда мы перепутаем проверку с подвигом.

Клим перелез через перила и упёрся сапогами в мокрый камень. Савель повернул малый ворот. Левый затвор опустился на две зарубки. Поток у опоры ослаб, зато под правой аркой загудел сильнее. Гнат следил за указателем и вслух называл каждое движение стрелки.

— Пол-ладони. Ладонь. Ладонь и палец.

— Держи, — приказал Савель.

Клим спустился медленно. На середине пути белая струя потянулась к его руке, как тонкий ус.

— Не касайся голой кожей! — крикнула Ружена.

Он надел рукавицу, провёл пальцами вдоль шва и ударил молотком один раз. Верёвки отпустили локоть. Теперь его голова была ниже настила, и Савель видел только плечи.

По мосту прокатился шёпот. Возницы и лодочники перестали ругаться. Когда человек висит над паводком, зрители быстро вспоминают, что мост состоит не из княжеских печатей.

Клим постучал дважды. Ружена закрепила верёвку на новом зубце.

— Что видишь? — спросила она.

— Раствор цел. Белое идёт не из шва.

— Откуда?

— Из буквы.

Савель посмотрел на Ружену.

— Какой буквы?

— Здесь высечена строка. Под известью. Вода выходит из реза.

Тверд любил прятать копии там, где считал их надёжнее бумаги. Савель знал о метках высоты, именах утонувших мастеров и счёте ледоходов. Но целой договорной строки на опоре быть не должно: камень под водой считался владением Омутника.

— Прочти, — сказал он.

— Вижу только конец. «...один отвечает за оба берега».

Неждан и Бран одновременно подошли к перилам.

— Поднять его, — потребовал вельский писец.

— Пусть очистит строку, — сказал рубежный.

— Вы сейчас снова отдали два приказа, — заметила Ружена. — А верёвку держу я.

Белая вода обвилась вокруг Климовой рукавицы. Он ударил трижды.

Савель и Ружена потянули. Верёвки натянулись поровну, Клим поднялся на локоть, но затем что-то рвануло его вниз. Вельская верёвка закричала о край. Савель обернул её вокруг предплечья и навалился всем телом.

— Затвор! — крикнул Клим.

Стрелка у Гната подпрыгнула. Левую створку кто-то тянул снизу.

— На одну зарубку закрыть!

— Но поток уйдёт под баржи! — закричал Бран.

— Гнат, выполняй!

Подмастерье схватился за ворот. Неждан тоже полез помогать, и Савель остановил его ногой.

— Назови работу.

— Что?

— Книги слышат. Если берёшься за ворот, назови, за что отвечаешь.

Неждан побледнел, но Клим снова ударил трижды.

— Я, Неждан Волик, помогаю закрыть левый затвор на одну зарубку для подъёма Клим Вежи. Только сейчас. За приказ отвечает Савель Ратич.

— Принимаю, — сказал Савель.

Неждан вцепился в рукоять рядом с Гнатом. Они повернули ворот. Поток ослаб, и верёвка пошла вверх. Клим перевалился через перила, сорвал с руки рукавицу и отбросил её. На коже осталась белая полоса, но пальцы сгибались.

— Что держало? — спросил Савель.

— Не рука. Слово на камне. Когда вода дошла до «один», ремень затянулся.

Ружена разрезала пояс и осмотрела грудь Клим. Синяк наливался поперёк рёбер, но кости были целы.

Под навесом зашелестели книги. Вельская записала помощь Неждана как законченную работу и не присоединила к ней ничего другого. Писец прочёл запись дважды.

— Она действительно ограничена, — сказал он.

— Ты ожидал, что затвор оставит тебя себе? — спросил Клим.

Неждан не ответил. Он смотрел на свою ладонь так, словно впервые понял, почему другой человек боится поставить отпечаток.

Ружена подняла разрезанный пояс.

— Опора цела. Надпись опасна. Известь смыло не случайно. Дух хотел, чтобы мы увидели конец строки.

— Или Тверд хотел, — сказал Савель.

— Мёртвый смотритель не двигает воду.

— Зато мог вырезать слова там, где вода однажды их покажет.

Клим сел на настил, тяжело дыша.

— «Один отвечает за оба берега». Вот зачем нужен ближайший обученный. Не ради ремонта. Чтобы спор княжеств всегда заканчивался одним человеком под мостом.

Бран отступил от перил.

— Это толкование.

— Нет, — сказал Савель. — Это половина строки. За второй половиной поедem на остров. А пока ни один берег не получит мост целиком.

Он вернулся под навес и разложил чистый лист. Слева написал «телеги», справа — «баржи», посередине — «опора и затворы».

— Красильням нужны квасцы сегодня? — спросил он Неждана.

— До вечерней закладки в чаны.

— Сколько телег с квасцами?

— Четыре. Остальные пристроились к приказу.

Возчики загудели, но Неждан не отвёл глаз.

— Зерно на всех шести баржах? — спросил Савель Брана.

— На пяти. Шестая с княжеским камнем для новой пристани.

— Камень подождёт ниже воды?

— Может ждать неделю.

— Значит, вы спорили тридцатью семью телегами против шести барж, хотя срочны четыре и пять.

— Приказ даёт право прохода всему обозу, — сказал Неждан уже не так уверенно.

— Право не расширяет мост.

Савель начертил порядок. Сначала четыре телеги с квасцами проходят по одной при закрытом пролёте. Затем мост освобождают, проверяют замки, поднимают пролёт и проводят

пять зерновых барж. После опускания ещё раз сверяют цепи. Остальные телеги идут до вечернего подъёма воды; каменная баржа остаётся у сигнального камня.

— Это займёт четыре меры часа, — сказал Бран.

— Если каждый сделает своё вовремя.

— Кто отвечает за задержку?

— Каждый за свою часть. Неждан — за выбор четырёх телег и расстояние между ними. Ты — за пять барж, буксиры и проход без остановки. Я — за затворы и пролёт. Ружена — за допуск опоры после каждой смены. Гнат — за сигналы. Клим сегодня больше не спускается и не принимает работу, пока сам не захочет.

— Я возьму верхний ворот, — сказал Клим.

— Ты только что висел на слове духа.

— Поэтому не пойду под мост. Но ворот знаю лучше Гната.

Савель хотел запретить. Потом спросил:

— Назови меру.

— От первого сигнала телегам до закрытия пролёта после пятой зерновой баржи. Управляю верхним воротом по твоим командам. Не отвечаю за княжеский груз, нижний затвор и скрытые требования Омутника.

— За безопасность рук у ворота?

— Отвечаю сам. Ты отвечаешь, чтобы команда была слышна и повторена.

— Принимаю.

Бран покачал головой.

— Если так называть каждую мелочь, мы до ночи не начнём.

— Вы с Нежданом спорили с утра и ничего не начали, — сказала Ружена. — Попробуйте иначе.

Писцы нехотя записали свои части. Обе книги приняли порядок, но возле строки Савеля появилась тёмная капля: «Общая ответственность смотрителя сохраняется».

Он зачеркнул её.

Капля проступила снова.

— Книга не согласна, — сказал Неждан.

— Книга привыкла.

Савель написал ниже: «Смотритель отвечает за исправность механизма и точность команд. Не отвечает за выбор грузов, порядок барж, крепость их буксиров и сроки княжеских производств». Капля расплылась, но не исчезла.

— Пусть остаётся возражением, — решил он. — Работа названа точнее привычки книги.

Первые четыре телеги вывели из очереди. Возчики остальных ругались, пока Савель не велел Неждану вслух назвать содержимое каждого воза. Оказалось, за срочными квасцами стояли зеркала, солёные сливы, бочки с пивом, мебель для судейского дома и две клетки породистых гусей. Хозяин гусей уверял, что птицы не переживут ожидания. Гуси выглядели здоровее хозяина и клевали солому.

Клим встал у верхнего ворота. Синяк мешал ему глубоко дышать, но движения оставались точными.

— Левая петля свободна, — доложил он.

— Правая?

— Под нагрузкой. Снять на ползуба после первой телеги.

Савель поднял зелёный флажок. Гнат повторил сигнал на рубежный берег. Неждан пропустил первую телегу. Она вошла на мост медленно, колёса загрохотали по доскам. Когда передняя ось достигла средней площадки, снизу снова показалась белая фигура Омутника.

Дух шёл по воде рядом с телегой. Его лицо менялось: Савель, Клим, Неждан, Бран. На каждом оно задерживалось ровно настолько, чтобы человек узнал себя.

Лошадь шарахнулась к перилам.

— Не останавливать! — крикнул Савель.

Возница натянул правую вожжу. Клим снял нагрузку с петли, настил перестал дрожать. Неждан, забыв о красном плаще, побежал рядом с задним колесом и не дал ему наскочить на направляющий брус.

Телега сошла на рубежный берег. Вельская книга отметила доставку груза, рубежная — его приём. Впервые за день одна работа закончилась без спора.

Следующие три прошли быстрее. После четвёртой Савель закрыл ворота перед возмущённым обозом.

— Теперь баржи.

Для подъёма пролёта требовалось освободить цепи, уравнять затворы и одновременно вращать два ворота. Савель командовал с середины. Клим и Гнат стояли наверху, Ружена следила за опорой, Бран передавал рогом знаки лодочникам. Неждан должен был удерживать телеги за чертой. Каждый знал только свою часть, но впервые это не означало, что остальное тайно свалено на Савеля.

— Верхний ворот готов, — сказал Клим.

— Нижний готов, — отозвался Гнат.

— Опора допускает подъём, — сказала Ружена.

— Первая баржа на линии, — сообщил Бран.

— Поднимать на три зуба. Команду повторить.

Все повторили. Ворота пошли. Цепи загудели двумя разными голосами и постепенно слились в один. Пролёт поднялся над водой. Первая баржа вошла носом в тёмный проём.

Омутник стоял на её грузе босыми ногами. Лодочники его не замечали. Он смотрел только на Савеля.

— Один отвечает, — сказал дух беззвучно, но слова ударили в камень.

— Нет, — ответил Савель. — Один командует этой сменой. Отвечают все за названное.

Дух шагнул с баржи на воздух и исчез под поднятым настилом.

Вторая баржа прошла чисто. У третьей лопнула левая буксирная верёвка. Судно развернуло поперёк потока, кормой к опоре.

— Опустить левый затвор! — крикнул Бран.

— Нельзя, ударит носом в камень, — ответил Савель. — Правый открыть на ползуба. Клим, держать пролёт. Гнат, правый ворот!

— Это не моя часть! — испуганно сказал Гнат.

Он был прав. Его запись касалась сигналов и нижнего ворота пролёта, а не затвора. Прежде Савель просто рывкнул бы сильнее. Теперь на это не было времени и права.

— Кто знает правый затвор? — крикнул он.

Ружена шагнула к рычагу.

— Я открываю его на ползуба по твоей команде, пока баржа не выправится. За кладку в это время отвечает Савель.

— Принимаю. Открывай!

Ружена навалилась на рычаг. Вода ушла правее, корма баржи отодвинулась от опоры. Бран бросил запасную верёвку. Лодочник поймал её со второго раза, закрепил на носовом кольце, и буксир выровнял судно.

Белый шов на опоре вспыхнул и погас. Книжки под навесом сами перевернули страницы. Ни одна не приписала Ружене вечную обязанность за прикосновение к затвору.

Пятая зерновая баржа прошла через час. Клим и Гнат опустили пролёт. Савель проверил замки, Ружена простучала площадку. Неждан отпустил остальные телеги по пять с каждой стороны, чтобы встречные потоки не сошлись на середине.

Люди ворчали, но двигались. Никто не получил мост целиком, зато все получили проход.

К закату очередь сократилась до семи телег. Каменная баржа стояла выше сигнального камня. Квасцы ушли к красильням, зерно — к рубежным амбарам. Неждан и Бран сидели рядом на перевёрнутой бочке и сверяли записи.

— Потери меньше, чем по любому из наших приказов, — признал Бран.

— Потому что Савель нарушил оба, — сказал Неждан.

— Потому что вы оба приказали невозможное, — поправил Клим.

Неждан не обиделся. Он разглядывал законченную запись у своего имени: помощь у ворота, одна зарубка, один подъём человека, работа закрыта.

— Если отдельная обязанность закрывается после исполнения, — медленно сказал он, — долг не обязан искать нового носителя.

Савель посмотрел на среднюю опору. В высеченной строке белело слово «один».

— Именно.

— Княжества этого не примут добровольно, — сказал Бран. — Им нужен тот, с кого можно спросить за весь мост.

— Мосту нужны те, кто действительно делает каждую работу.

— А если один не явится?

— Тогда мост закрывается, пока не будет замены. Видимо, берега должны увидеть цену пустого места, а не прятать её в чужой жизни.

Клим снял перчатки. Белая полоса на руке исчезла, но синяк под рубахой наверняка станет чёрным.

— Сегодня явились все, потому что каждому назвали дело. Даже писец крутил ворот.

— Один раз, — напомнил Неждан.

— И книга тебя отпустила.

Из заставы вышел Рем. Без печати его лицо стало узким, с тяжёлыми веками и рыжей щетиной. Савель видел его таким впервые. Возница и вельский судья согласились подтвердить имя, но красная книга требовала ещё одного свидетеля с рубежного берега.

Бран посмотрел на него.

— Я видел вас утром с лицом Мирона. Сейчас вы утверждаете, что вы Рем Ворота?

— Утверждаю.

— И добровольно сняли печать?

— Да.

— Тогда запишу, что один и тот же человек вошёл признанным носителем чужого лица и вышел под собственным именем.

— Зачем вам помогать мне?

Бран пожал плечами.

— Сегодня я увидел, что книга может закончить отдельную работу. Возможно, она способна вернуть и отдельное имя.

Они ушли под навес составлять свидетельство. Неждан присоединился к ним после короткого колебания.

Савель остался с Климом у перил.

— Рёбра покажи Ружене ещё раз.

— Уже показал.

— Когда?

— Пока ты считал баржи после прохода.

— И?

— Велела не кашлять, не смеяться и не драться два дня.

— Выполнимо?

— Если Яромир не появится.

Словно имя его позвало, на вельской дороге показался всадник. Он ехал неторопливо, в тёмно-зелёном плаще, и вёл за собой мула с двумя плоскими сундуками. Савель узнал семейный знак на застёжках: три мостовые дуги и косая зарубка.

Яромир Ратич остановился у каменной черты, оглядел очередь, поднятый после работы красный флаг и белую отметину на средней опоре.

— Говорят, ты закрыл мост из-за старой семейной вещи, — сказал он.

— Из-за проданного лица.

— Лицо не продают. Продают право на сходство.

Клим шагнул к нему, но Савель встал рядом, не впереди.

— Тогда открой сундуки, — сказал Клим. — Посмотрим, сколько ещё у тебя сходств и какие долги идут за каждым.

Яромир улыбнулся.

— Ты говоришь как человек, который уже считает себя зрителем.

— Нет. Как человек, которого ты выставил в уплату.

Под мостом Омутник тихо засмеялся голосами обоих берегов.

Глава 4. Печать без памяти

Яромир не стал отпирать сундуки у каменной черты.

Он спешил, снял перчатки и сперва провёл большим пальцем по медной застёжке. Три мостовые дуги на крышке потемнели от прикосновения, а косая зарубка между ними налилась тусклым красным светом. Семейный знак узнал руку Ратича. Савель почувствовал ответный жар под левым глазом, там, где в детстве Тверд прижимал к его коже мягкий воск и велел не дёргаться.

— Здесь не место, — сказал Яромир. — Сlepки нельзя открывать под дождём и перед толпой.

— Дождя нет, — заметил Клим.

— Толпа есть.

За вельской заставой ещё ждали семь телег. Возницы притихли. Даже те, кто прежде ругал задержку, теперь вытягивали шеи, стараясь разглядеть плоские сундуки на муле. Рем стоял под навесом между Нежданом и Браном, пока писцы сушили песком свидетельство о возвращении его имени. Без лица Мирона он казался меньше ростом, хотя сапоги и плечи остались прежними.

— Ты продавал перед толпой, — сказал Савель. — Значит, и считать будем при свидетелях.

Яромир поднял на него глаза. Они были почти такими же серыми, как у Савеля, только взгляд никогда не задерживался на вещи дольше, чем требовалось для оценки цены.

— Я ничего не продавал на мосту. Рем пришёл ко мне сам.

— Потому что ему запретили вести обозы через Вельск под собственным именем.

— Тогда я помог ему сохранить ремесло.

Рем рассмеялся один раз, без веселья.

— За двенадцать серебряных ты помог мне получить чужую петлю.

— Я сообщил, чьё сходство беру из ящика. Мирон Вежа был мёртв и никому не мог повредить.

Клим шагнул к мулу. Он двигался осторожно, прижимая локоть к ушибленным рёбрам.

— Ты сообщил, что вместе с лицом отца книга узнает его долги?

— Я не писец двух княжеств и не речной дух. Я не могу отвечать за каждую старую строчку.

— Но деньги за каждое старое лицо берёшь.

Яромир взял мула под уздцы.

— Савель, отведи нас в дом. Я покажу тебе опись. Ученику незачем рыться в семейном имуществе.

— Он назван следующим в семейном долге. Ему нужнее всех.

— Тогда пусть сперва станет Ратичем.

Белая полоска на средней опоре вспыхнула, будто под известью провели ногтем. Клим покосился на воду, но промолчал. Савель поднял оба сундука с мула. Первый оказался тяжёлым, словно внутри лежали не восковые дощечки, а мокрые камни. Второй был легче и тихо звякнул.

— В караульную, — распорядился Савель. — Неждан, Бран, закончите свидетельство Рема и приходите. Ружена, останься у затворов. Клим, со мной.

— Я не давал тебе сундуки, — сказал Яромир.

— Ты привёз их на мост, которым я пока ещё заведу.

— Пока ещё, — повторил родич.

В караульной пахло мокрой шерстью, старым деревом и горячей золой. Клим сдвинул кружки к краю стола. Савель поставил тяжёлый сундук на середину, лёгкий — на лавку у стены. Яромир вошёл последним и прикрыл дверь, но защёлку не опустил. Снаружи немедленно заскрипели сапоги: любопытные возницы придвинулись ближе.

— Окно тоже закрой, — велел Яромир.

— Нет.

— Воск портится от света.

— Тогда не будем медлить.

Яромир положил ладонь на замок. Красная зарубка разделилась надвое. Крышка поднялась мягко, без скрипа.

Внутри лежали лица.

Не маски целиком, а овальные пластины тоньше ногтя: лоб, скулы, губы и подбородок были вдавлены в серый воск так точно, что при боковом свете казались живыми. Между пластинами лежала промасленная бумага. На каждой торчала костяная бирка с именем, годом слепка и ценой. Савель увидел лица покойных тёток, троюродных братьев, мостовых рабочих, которых помнил мальчишками. Некоторые пластины были детскими.

Клим протянул руку к верхней бирке.

Яромир перехватил его запястье.

— Без перчаток нельзя.

Клим высвободился.

— Тогда дай перчатки.

— Ты не умеешь брать слепок.

— Научишь. Или сам читай вслух.

Яромир достал из бокового гнезда две пары тонких кожаных перчаток. Одну отдал Савелю, вторую надел сам. Климу не предложил.

— Первая полка — Ратичи, умершие без прямых наследников, — сказал он. — Законное семейное имущество. Вторая — лица, переданные владельцами за плату. Третья — пробные слепки, непригодные для ношения.

— Мирон Вежа не был Ратичем, — сказал Клим.

— Его слепок передал Тверд вместе с мостовыми бумагами.

— Мой отец разрешил?

— На бирке должно быть основание.

Яромир перебрал пластины и вынул пустой бумажный карман. На костяной бирке было вырезано: «Мирон Вежа. Плотник. За службу у средней опоры. Передано Т. Ратичем». Ни слова о согласии.

Клим прочёл дважды.

— За какую службу?

— Не знаю.

— Ты продал его лицо Рему.

— Лицо хранилось тридцать один год. Никто не предъявлял прав.

— Я предъявляю.

— Ты не наследник слепка. Наследуют лицо те, кто его хранит.

Савель поднял верхнюю пластину. Она изображала старика с впалыми щеками и сломанным носом. Бирка называла Силу Нерову, перевозчика с вельского берега. Цена — восемь серебряных. Под именем мелкими зарубками стояли три буквы: «М. П. С.».

— Что это?

— Местная пошлина снята.

— Покажи опись.

Яромир промолчал.

Савель положил пластину обратно.

— Ты сказал, что покажешь её.

— Тебе, не писцам и не ученику.

— Показывай мне.

Родич присел перед лёгким сундуком и отпер его тем же знаком. Внутри не было лиц. Там лежали свёрнутые договоры, книги в мягких кожаных переплётах и мешочки с разноцветным воском. Яромир достал узкую тетрадь с зелёным корешком.

Савель протянул руку. Яромир удерживал тетрадь ещё мгновение, потом отпустил.

Записи были аккуратными. Имя слепка, имя носителя, срок, цена. В последней строке стоял Рем Ворота, Мирон Вежа, три года, двенадцать серебряных. В графе «обременения» Яромир поставил короткую черту.

— Ты не проверил, — сказал Савель.

— Проверил вельские долговые листы. На Мироне ничего не было.

— Потому что долг записан в мостовых книгах и на камне.

— Значит, писцы скрыли его от общего счёта. Спроси с них.

— Ты продаёшь вещь, которую книги принимают за человека. Спрос прежде всего с тебя.

— Я продаю сходство. Что с ним делает чужая книга, не моя забота.

Савель листал дальше. За пять лет Яромир отдал шестнадцать лиц. Шесть носителей уже вернули пластины. У двух против имени стояло «не явился». У одного — «умер». Остальные сроки не закончились.

— Где эти люди?

— Кто именно?

— Все, чьи сроки идут.

— Живут своей жизнью.

— Под чужими лицами.

— Добровольно.

Дверь распахнулась прежде, чем Савель успел ответить. На пороге стояла женщина в синем дорожном плаще. Невысокая, крепкая, с корзиной лекарственных склянок на локте. Её светлые волосы выбились из-под платка, а лицо Савель узнал сразу.

Аглая Ратич, младшая сестра Тверда, утонула за два года до рождения Клим.

Женщина с её лицом тяжело дышала, будто бежала от вельской заставы.

— Яромир, сними это, — сказала она. — Сейчас же.

Яромир побледнел.

— Влада, мы договаривались не приходить на мост.

— Я шла в Рубежное к роженице. Красная книга не выпускает меня с вельского берега.

Она шагнула в комнату, увидела открытый сундук и остановилась. Левая половина её лица дрогнула не так, как правая. Улыбка Аглаи была наложена поверх чужой усталости.

— Кто это? — спросил Клим.

— Влада Орешина, — ответила женщина. — Повитуха из Нижних Лугов. Или была ею до сегодняшнего утра.

— Вы носите лицо Аглаи Ратич.

— Я не знаю никакой Аглаи.

Она поставила корзину на пол. Пальцы у неё были красными от холода, ногти коротко острижены. На запястье виднелся след от туго затянутой бечёвки — повитухи носили так мешочек с ножницами, когда руки требовались свободными.

— Зачем вы взяли лицо? — спросил Савель.

— Чтобы меня пускали в городской родильный двор. Тамошний старшина решил, что деревенские повитухи крадут плату у его людей. Без городской родни ворота закрыты. Яромир сказал, что Аглая числилась в Вельске и её лицо откроет мне дорогу на один сезон.

— И открыло, — сказал Яромир.

— Открыло. А сегодня книга потребовала с меня четыре года соли.

Неждан и Бран появились у двери одновременно. За ними стоял Рем, а дальше теснились возницы. Савель махнул писцам внутрь и велел остальным ждать за порогом.

— Какой соли? — спросил Неждан.

Влада достала из плаща сложенный вчетверо лист. Красная печать на нём ещё блестела. Неждан развернул бумагу на столе.

— Аглая Твердова дочь Ратич, — прочёл он, — обязана поставить в княжеские склады по двенадцать мер соли в год за право беспошлинного прохода лекарственных припасов. Недоимка за четыре года. До уплаты выезд из Вельска запрещён.

— Аглая мертва больше двадцати лет, — сказал Савель. — Почему долг появился сейчас?

— Потому что сегодня я купила масло и полотно для роженицы, — ответила Влада. — Лавочник записал покупку на моё лицо. Книга спросила имя, увидела её и подняла старую строку.

Бран взял лист за край.

— Здесь сказано, что обязанность прекращается смертью или последней поставкой.

— Она умерла, — повторил Савель.

— Но смерть не была отмечена в соляной книге. Для неё лицо снова вошло в Вельск живым.

Яромир подошёл к Владе.

— Снимем печать, и всё закончится.

— Я пыталась. Она не снимается.

В караульной стало тихо. Под полом журчала вода, пробравшаяся в отводную канаву.

— Ты обещал, что я смогу снять её сама, — сказала Влада.

— Можешь. Я показывал.

— Я нагрела край, как ты велел. Воск вошёл глубже.

Яромир поднял руку к её щеке. Влада отшатнулась.

— Не трогай без спроса.

Он опустил руку.

— Позволишь осмотреть?

Она кивнула, но не закрыла глаз. Яромир повернул её голову к окну и осторожно провёл пальцем вдоль уха. Там, где должна была заканчиваться восковая кромка, кожа была гладкой. Только под мочкой виднелась маленькая серая точка.

— Книга приплавил печать, — сказал он.

— Значит, книги всё-таки касаются твоего товара, — произнёс Клим.

— Такое бывает, если носитель признал долг.

— Я ничего не признавала! — Влада ударила ладонью по столу. Склянки в корзине звякнули. — Я сказала писарю, что не Аглая. Назвала своё имя, дом, мать и двух сестёр. Он велел мне назвать, сколько соли привезу к осени. Я отказалась. Тогда книга закрыла ворота.

Неждан перечитал нижнюю строку листа.

— Признания здесь нет. Только обнаружение носителя.

— Красная книга ошибается, — сказал Яромир.

— Нет, — ответил Савель. — Она делает ровно то, ради чего её завели: узнаёт лицо и требует записанное с того, кого увидела. Ей безразлично, кто помнит долг, кто получал право и кто умеет поставлять соль.

Влада посмотрела на него лицом его мёртвой тётки.

— Я даже не знаю, где её брали.

— Соль, — пояснил Клим.

— Я поняла. Не знаю где. В Нижних Лугах мы меняем сушёную мяту на две чашки у приезжих. Двенадцать мер я не соберу и за жизнь.

Бран постучал пальцем по договору.

— Поставка была платой за беспошлинный проход лекарственных припасов. Вы этим правом пользовались?

— Я проходила через городские ворота.

— С припасами?

— С корзиной. Но никто не сказал о соли.

— Потому что Яромир продал вам выгоду отдельно от её цены, — сказал Савель.

— Я не знал об этой записи, — резко ответил родич.

— Ты не хотел знать.

Яромир захлопнул зелёную тетрадь.

— Хорошо. Я верну ей плату и сам доставлю соль.

— Четыре года? — спросил Неждан. — Сколько это стоит?

— Меньше, чем беспорядок вокруг семейного дела.

— А потом? — Влада указала на своё лицо. — Через неделю найдётся ещё одна книга. Через месяц — человек, который видел Аглаю и назовёт меня её именем. Ты будешь платить каждому, пока я не умру?

Яромир не ответил.

Клим подошёл к ней сбоку, чтобы она видела его руки.

— У Рема печать снялась, когда он сам отказался от неё перед свидетелями. Может быть, вам тоже нужны свидетели.

— У Рема книга ещё не успела приплавить край, — сказал Яромир.

— Тогда край держит долг, а не воск.

Савель вспомнил, как белая строка на опоре затянула Климов пояс. Река не различала человека и названную обязанность, пока кто-нибудь не разделял их точными словами. Красная книга была суше речного духа, но жадность у них была одна: всё неназванное она забирала целиком.

— Влада, расскажите, что вы помните о нынешнем дне, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы отделить вас от лица. Не для нас. Для книги.

Она сжала губы Аглаи, потом начала:

— На рассвете я приняла мальчика у Лиски Боровой. Ребёнок лежал боком. Я повернула его руками, перевязала пуповину синей нитью, потому что белая кончилась. Мальчика назвали Жданом. Потом меня позвали в Рубежное: у кожевника жена рожает раньше срока. Я взяла масло, полотно, маковый отвар и ножницы. На заставе меня остановили.

— Аглая могла это помнить? — спросил Савель.

— Если она утонула до рождения этого мальчика, нет.

— Умеете делать то, что умела она?

— Я не знаю, что она умела.

— Она считала мостовые сборы, — сказал Яромир. — И вела соляные записи Тверда.

Неждан подвинул Владе чистый лист и перо.

— Запишите: двенадцать мер, одна пятая пошлины, остаток после трёх поставок.

Влада взяла перо, но не стала писать.

— Я умею считать капли настоя, месяцы и схватки. Ваши пошлины считайте сами.

— А имя матери Аглаи? — спросил Бран.

Женщина покачала головой.

— Матрёна, — сказал Савель. — Аглая боялась гусей, прятала орехи в рукаве и писала цифру семь с длинным хвостом. Влада этого не знает. Печать не дала ей ни одной памяти, ни одного умения, ни одного принятого решения. Она дала книге только повод обознаться.

Красная точка на сургуче вспыхнула. Лист о соляном долге приподнялся, будто под него подули снизу. Строка с именем Аглаи потянулась к Владе тонкой красной нитью.

— Назовите, что вы брали добровольно, — сказал Клим.

Влада поняла раньше Яромира.

— Я добровольно взяла сходство Аглаи на один сезон, чтобы входить в городской родильный двор. Я не брала её память, имущество, плату за прежние проходы и долг по соли. Я не соглашалась называться ею перед долговыми книгами.

Нить дрогнула, но не порвалась.

— Книга видела пользу, — сказал Бран. — Проход через ворота.

— Тогда назовите свою, — подсказал Савель.

Яромир молчал.

Влада повернулась к нему всем телом.

— Говори.

— Я передал Владе Орешинной личное сходство Аглаи Ратич за три серебряных до осеннего равноденствия.

Красная нить стала толще.

— Не всё, — сказал Клим. — Что ты обещал?

— Свободный вход в Вельск и родильный двор.

— За что отвечал?

— За целостность печати.

— А за долги?

Яромир посмотрел на Савеля. В его взгляде впервые не было цены, только быстрый поиск выхода.

— В договоре сказано, что неизвестные обременения остаются на владельце слепка, — выговорил он.

— На владельце? — переспросил Неждан.

— На мне.

Красная нить оторвалась от Влады и хлестнула по столу. Второй её конец лёг на зелёную тетрадь.

Яромир отдернул руку, но поздно. На обложке проступили четыре маленьких соляных холма.

Воск под ухом Влады размягчился. Она вскрикнула и схватилась за щёку. Савель успел подставить ладонь. Тонкая серая пластина сошла с кожи целиком и легла ему на перчатку лицом Аглаи вверх.

Настоящее лицо Влады оказалось круглым, смуглым, с россыпью светлых точек на носу. На левой щеке краснел ожог от печати. Она ощупала подбородок, веки, лоб и вдруг засмеялась. Тут же зажала рот ладонью, будто смех мог вернуть чужое сходство.

— Не прикладывайте снова, — сказал Савель.

— Лучше в реку брошу.

— Нет, — возразил Клим. — Это доказательство.

Савель положил пластину Аглаи на чистый лист. Теперь она казалась мёртвой вещью, как и должна была казаться всегда.

Яромир смотрел на соляные холмы на своей тетради.

— Вы переложили долг на меня.

— Нет, — сказала Влада. — Ты сам записал, что он оставался на тебе. Мы только заставили книгу прочесть твою строчку.

Снаружи кто-то одобрительно хмыкнул. Яромир захлопнул дверь перед носом слушателей.

— Если так разбирать каждую сделку, ни один договор не устоит.

— Устоит тот, в котором людям сказали всю цену, — ответил Савель.

— Ты всерьёз думаешь вести мост на таких речах? Перед каждым поворотом затвора перечислять, кто за что отвечает? Пока вы будете договаривать, вода снесёт пролёт.

— Сегодня мы перечисляли. Пролёт стоит.

— Сегодня была одна баржа.

— Пять.

Яромир зло усмехнулся.

— Ты всегда любил поправлять мелочь, когда не знал, что делать с целым.

Савель снял перчатки.

— С целым как раз понятно. До проверки ни один слепок отсюда не уйдёт.

— Это моё имущество.

— А долги в нём чьи?

— Не твои.

— Один уже пришёл на мой мост. Второй назвал моего ученика. Этого достаточно.

Яромир потянул к себе тяжёлый сундук. Клим захлопнул крышку прежде, чем тот успел коснуться верхней полки.

— Открой опись на первой странице, — сказал Клим. — Будем сверять все лица.

— Ты не имеешь права.

— Тогда позвоём тех, чьи лица здесь лежат, и спросим у них.

— Половина умерла.

— Позовём детей.

— Они продадут тебе те же права, если предложишь серебро.

— Может быть. Но узнают, что именно продают.

Влада подняла корзину.

— Я должна пройти в Рубежное. Женщина ждёт.

Бран открыл рубежную книгу на чистом месте.

— Назовите имя, ремесло и цель прохода.

— Влада Орешина, повитуха из Нижних Лугов. Иду к жене кожевника Зарубы. Ранние роды. Несу масло, полотно, маковый отвар и ножницы. Вернусь, когда мать сможет остаться без меня.

— Кто подтвердит имя?

— Я, — сказал Яромир неожиданно. — Она пришла ко мне под своим лицом и получила печать из моих рук.

Влада внимательно посмотрела на него.

— Зачем?

Он провёл пальцем по четырём соляным холмам.

— Потому что иначе соль мне придётся платить за мёртвую женщину, а не за собственную ошибку.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Рем встал в дверях.

— Я тоже подтверждаю. Мы встречались у Яромира зимой. Она торговалась за срок, я — за цену.

— Тогда двух свидетелей достаточно, — сказал Бран.

Он записал Владу под её именем. Книга не шелохнулась. Бран провёл пальцем по строке, затем поставил знак прохода.

— Идите. На рубежной стороне вас узнают как Владу Орешину до возвращения. Она задержалась у стола.

— Мою плату вернёшь сестре Лиске. Три серебряных. Ей после родов нужнее.

— Верну, — сказал Яромир.

— И соль поставишь сам.

— Поставлю.

Влада ушла быстрым шагом. Через открытое окно Савель видел, как она пересекла каменную черту. Ни красная, ни чёрная книга не позвали её чужим именем. На середине моста она коснулась обожжённой щеки, но не остановилась.

Неждан закрыл ставню со стороны толпы, оставив верхнюю щель для света.

— Теперь опишь, — сказал он. — Шестнадцать выданных лиц. Начнём с тех, чей срок не закончился.

— По какому праву? — спросил Яромир.

— По праву писца, обнаружившего неучтённые долговые переходы между княжествами.

— Бран?

Рубежный писец подвинул к себе вторую половину тетради.

— У нас один мост. Если лицо проходит с долгом, он становится нашим делом раньше, чем вашим или моим.

Яромир оглядел троих мужчин, Клима и лежащее на столе лицо Аглаи. Потом сел на лавку.

— Хорошо. Но сундук останется заперт, пока мы не составим сохранную запись. Каждый слепок хрупок и имеет цену.

— Составим, — сказал Савель.

— И никто не наденет печать для проверки.

— Никто.

— Как тогда узнаете долги?

Савель посмотрел на зелёную тетрадь. Четыре соляных холма на ней уже тускнели, но не исчезали.

— Сначала спросим книги по именам. Потом живых — по памяти. И сравним с тем, что ты обещал в своих договорах. Лицо больше не будет приманкой.

Они работали до темноты.

Неждан читал вельские записи, Бран — рубежные. Клим вёл отдельный список: слепок, нынешний носитель, известная выгода, скрытый долг, обещание Яромира. Савель называл умерших Ратичей и то, что помнил об их службе. Яромир сперва отвечал коротко, потом начал сам поправлять даты.

У Силы Нерова обнаружилась обязанность каждый ледоход давать две лодки для снятия заторов. Его лицо носил торговец свечами, который не умел грести. У тётки Добравы оставалась доля в старой мельнице вместе с платой за ремонт плотины; печать ушла вдове мельника как раз ради доли. У десятилетнего слепка мальчика Горюни не нашлось долгов, зато нашлось право на сад, которое Яромир сдавал отдельно от лица. Чем дальше они читали, тем яснее становилось: память о договорах была разрезана на куски и продана разным людям. Один получал право войти, другой — долю, третий — лицо, а книга потом выбирала ближайшего узнаваемого и требовала с него целое.

— Вот почему ты не показывал опишь, — сказал Клим.

— Вот почему опишь нужна, — устало ответил Яромир. — Без неё никто вообще не вспомнит, где чьё.

— Ты хранил не память. Ты хранил возможность брать плату второй раз.

— Иногда. А иногда сохранял то, что семьи сами выбросили бы в печь.

Савель хотел возразить, но увидел пустой карман Мирона. Тверд действительно отдал бы слепок огню, если бы Яромир не взял его. Тогда Рем не получил бы чужого лица, Клим не оказался бы следующим, а старая строка могла бы проспать ещё тридцать лет — до большой воды, когда Омутник назвал бы ближайшего обученного без всякой печати. Сундук не создал речной долг. Он сделал его товаром и позволил ему ходить среди живых незамеченным.

— Хранение не даёт права скрывать цену, — сказал Савель. — Но и сжечь всё сейчас недостаточно. Долги останутся в книгах.

— Наконец-то, — отозвался Яромир. — Я думал, ты предложишь устроить костёр перед заставой.

Клим подвёл черту под восьмым именем.

— Я бы предложил. До Влады.

— А теперь?

— Теперь сначала вернём людям их лица и отделим от них всё остальное. Потом решим, какие слепки имеют право лежать в сундуке.

Яромир посмотрел на него почти с уважением.

— Тверд выбрал бы тебя.

— Тверд уже выбрал. Не спросив.

Под полом глухо ударила вода. Один раз, второй, третий. Савель вышел к окну. Над рекой поднялся туман, хотя вечер был слишком холодным для него. Белая строка на средней опоре светилась теперь от края до края видимой кладки. Слово «один» потемнело, зато перед ним проступили ещё две буквы.

«Всегда один отвечает за оба берега».

Омутник произнёс из-под моста голосом Аглаи:

— Лицо сняли. Ответ остался.

Яромир вздрогнул так, что зелёная тетрадь упала с его колен.

Савель вышел на крыльцо. Клим встал рядом.

— Сегодня он прав, — сказал ученик.

— Духи любят правду, когда она оставляет им добычу.

— Мы нашли способ снять чужое лицо. С долгом моста будет труднее.

— Потому что Яромир в своём договоре заранее оставил неизвестное на себе. Тверд такой строки нам не оставил.

— Оставил другую. Про следующего.

На дороге Влада уже скрылась за рубежным поворотом. В караульной писцы продолжали называть мёртвые имена. Каждое имя отзывалось шелестом страниц, но ни одно больше не получало живого лица.

Савель посмотрел на два берега. В окнах застав зажигали огни. Между ними лежал мост, который обе стороны привыкли узнавать по одному смотрителю, как книгу — по обложке.

— Завтра найдём всех носителей, — сказал он. — До большой воды проверим каждый слепок.

— А если Яромир попытается увести сундуки?

— Поставим их в средней будке под двумя замками. Один ключ у Неждана, второй у Брана. Открыть можно только вместе.

— Он скажет, что это кража.

— Пусть скажет своим лицом.

Клим улыбнулся и тут же поморщился из-за рёбер.

Из воды донёсся тихий смех. Белая строка на опоре погасла, оставив после себя четыре слова, которых утром на камне не было.

До большой воды оставалось семь дней и ночь.

Глава 5. Родич продаёт сходство

Ночью сундуки перенесли в среднюю будку.

Она стояла над первым быком моста и прежде служила складом для сигнальных флагов. Савель вынес оттуда мотки гнилой верёвки, Клим подмёл пол, а Неждан и Бран осмотрели стены, окно и петли. На дверь поставили два новых замка: вельский с медной скважиной и рубежный с железной. Открывались они в разные стороны, поэтому одному человеку пришлось бы сломать всю дверь.

Яромир наблюдал, как его имущество запирают, и записывал каждое движение.

— Два сундука, обе крышки без трещин, — бормотал он. — Один с лицевыми слепками, один с описями и договорами. Три ремня. Четыре угловые накладки.

— Пять, — сказал Клим.

Яромир пересчитал накладки и бросил на него недобрый взгляд.

— Пять. Если утром одной не окажется, спрос будет со зрителя.

— Утром спрос будет с княжеского посланника, — сказал Неждан.

Савель повернулся к нему.

— Какого посланника?

Писец не успел ответить. Со стороны Вельска донёсся тройной удар дорожного колокола — так предупреждали, что к заставе едет человек с правом не ждать общей очереди.

Яромир закрыл свою тетрадь.

— Князь не посылает людей ночью из-за одной повитухи.

— Ты вызвал его заранее, — понял Савель.

— Я сообщил о вещи, способной принести пользу Вельску. Ещё до того, как ты задержал Рема.

На дальнем конце моста зажглись четыре факела. Между ними показалась крытая коляска, за ней — шесть всадников. Вельская застава подняла шлагбаум без проверки. Неждан поморщился: приказ явно пришёл выше его головы.

— Кто едет? — спросил Бран.

— Десятник княжеских имуществ Лютобор Стужа, — ответил Яромир. — Он ведает пустующими дворами, выморочными правами и тем, что не сумели правильно унаследовать.

— Значит, твой покупатель, — сказал Клим.

— Возможный хранитель.

— За плату.

— Любое хранение чего-нибудь стоит.

Савель снял с крюка красный фонарь и вышел навстречу коляске. Ночью мост разрешалось переходить только пешком, но кучер даже не придержал лошадей. Савель поставил фонарь на середину колеи.

— Дальше пешком.

Кучер натянул вожжи. Из коляски выглянул худой мужчина лет пятидесяти. На нём была меховая шапка, хотя холод ещё не стал зимним, а на пальцах блестели четыре печатки.

— Я еду по княжескому делу.

— Мост не знает княжеских колёс ночью. Людей пропускает.

— Ты Савель Ратич?

— Пока мост узнаёт меня.

Лютобор выбрался из коляски. Он был выше, чем казался сидя, и заметно хромал. Один всадник подал ему трость с серебряной рукоятью.

— Я прибыл принять семейный набор лицевых прав в обеспечение княжеского займа, — сказал десятник. — Яромир Ратич уведомил управу, что набор находится здесь.

— На проверке, — ответил Савель.

— Проверка не меняет владельца.

— Зато может показать чужие долги.

Лютобор посмотрел мимо него на среднюю будку.

— Чужой долг — тоже имущество, если умеешь его взыскивать.

Клим тихо втянул воздух. Савель поднял фонарь и осветил камни перед десятником.

— До будки пешком. Охрана остаётся у заставы. На мосту сейчас работают затворы.

— Ночью?

Из-под настила донёлся тяжёлый плеск, словно река подтвердила слова.

Лютобор отпустил всадников одним движением пальцев и пошёл за Савелем. Яромир встретил его у будки. Они поклонились друг другу не как старые знакомые, а как люди, уже согласовавшие цену и теперь проверяющие, не изменилась ли она.

— Вы привезли залоговую грамоту? — спросил Яромир.

— После осмотра.

— Осмотра не будет до окончания сверки, — сказал Неждан.

Лютобор заметил его только теперь.

— Писец заставы распоряжается княжеским имуществом?

— Пока оно не княжеское. И может оказаться не имуществом.

— Лица семьи Ратичей признаны отчуждаемыми со времён старого князя.

— Сходство признано, — поправил Клим. — Не память, не ремесло, не согласие и не все долги человека.

Лютобор перевёл взгляд на него.

— Это и есть ученик, которого книга назначила следующим?

— Книга написала имя, — сказал Савель. — Человек отказался.

— Удобное различие.

— Не для человека.

Яромир протянул десятнику зелёную опись.

— Вчера произошла накладка с одним слепком. Я её исправлю за свой счёт. Остальные права не должны из-за этого терять цену.

Лютобор раскрыл тетрадь и увидел четыре соляных холма на обложке.

— Исправишь поставкой до первого снега. Мы вычтем её из суммы займа.

— Мы ещё не назвали сумму.

— Теперь назвали часть.

Савель слушал их и понимал: Влада для обоих уже превратилась в строчку расхода. Её настоящее лицо, ожог и женщина в Рубежном, ожидающая помощи, исчезли из разговора сразу после того, как печать снялась.

— Зачем князю семейные лица? — спросил он.

Лютобор провёл ногтем по краю описи.

— Князю нужны не лица. Князю нужно, чтобы обязательства исполнялись. После мора люди умерли, дворы опустели, права на мельницы, сады, перевозки и склады рассыпались между наследниками. Одни берут доход, другие отказываются от ремонта. Третьи вообще живут в Рубежном и смеются над нашими требованиями. Узнаваемое лицо возвращает книге того, с кого можно спросить.

— Не того, кто получил доход, — сказал Клим. — Просто похожего.

— Доход можно вернуть после.

— Кому?

— Тому, кто докажет право.

— А до этого долг несёт тот, кого поймала книга.

Лютобор закрыл тетрадь.

— Молодой человек, княжество не может каждый раз ждать, пока спорящие договорятся. Мельничная плотина либо починена, либо нет. Лодки либо вышли на лёд, либо затор ломает опору. Соль либо лежит в складе, либо солдаты едят пресную кашу. Нужен один ответчик.

Из-под моста пришёл шелест, похожий на одобрение. Омутнику нравились речи, в которых один отвечал за всех.

Савель взял зелёную тетрадь из рук десятника.

— Ответчик нужен. Подменный человек не нужен.

— В чём разница для плотины?

— Тот, кто отвечает, должен знать работу или иметь право нанять знающего. Должен получить долю, ради которой возникла обязанность. И должен согласиться, видя цену.

— Ты хочешь переписать половину Вельска.

— Начну с моста.

— Мост принадлежит двум князьям.

— Поэтому ни один не хочет отвечать за него целиком.

На лице Лютобора впервые появилось выражение — короткое раздражение, сразу спрятанное.

— Откройте будку.

Неждан показал медный ключ.

— После рассвета, при рубежном писце и владельце.

Бран поднял железный.

— Я здесь.

— Тогда при двух свидетелях от носителей, — продолжил Неждан. — Рем Ворота придёт утром. Влада Орешина вернётся, когда закончит работу.

— Влада может не вернуться до большой воды, — сказал Яромир.

— Значит, подождём Рема и ещё одного носителя.

Лютобор опёрся на трость обеими руками.

— Я не останусь ночевать в караульной.

— На вельской заставе есть гостевая комната, — сказал Савель. — Княжеских постелей мост тоже не держит.

Десятник ушёл, забрав Яромира с собой. Перед тем как ступить в коляску, Яромир оглянулся на Савеля. Взгляд был не сердитым. Он будто проверял, заметил ли родич предложенный выход.

Клим заметил.

— Он хочет, чтобы ты тоже торговался.

— Не со мной. Через меня.

— Чем?

Савель посмотрел на среднюю опору.

— Моим лицом.

Утром Яромир вернулся один. Принёс горячий хлеб, копчёную рыбу и кувшин тёмного пива, словно они собирались не вскрывать опасный набор, а делить семейный праздник.

Савель не спал. До рассвета он проверял затворы, дважды обходил мост и один раз спускался на нижнюю площадку. Вода поднялась ещё на две ладони. На восточной стороне опоры известь растрескалась вдоль скрытой строки.

Клим сидел в караульной, обмотав рёбра широкой полосой ткани. Перед ним лежал список носителей.

— Нашёл второго свидетеля, — сказал он.

— Когда успел?

— Рем узнал имя свечника. Тот ночует у красильщиков. Бран послал Гната.

Яромир положил хлеб на стол.

— Всевед Руда не придёт.

— Почему?

— Потому что носит лицо Силы Нерова ради разрешения на речную торговлю. Если вы снимете печать, его свечи останутся на берегу.

— А если не снимем, весной его заставят идти на лодке к ледяному затору, — сказал Клим.

— До ледохода полгода.

— Значит, можно не говорить?

— Значит, есть время найти замену обязанности.

Савель отломил кусок хлеба, но есть не стал.

— Ты знал про лодки?

— Узнал ночью из сверки.

— И всё равно хочешь передать сундук князю.

— Именно поэтому. У князя есть лодочная дружина. Он примет повинность на людей, которые умеют грести, а Всевед сохранит торговое право.

— Лютобор говорил не так. Он хочет вернуть книге того, с кого можно спросить.

— Потому что вы окружили его писцами. Наедине он умеет считать выгоду.

Клим отложил перо.

— И какова выгода князя?

Яромир сел напротив.

— Весной княжество платит лодочникам серебром. Если повинность Силы признают действующей, две лодки выйдут без платы. Всевед заплатит князю меньше, чем стоят лодки, зато сохранит лицо и торговлю. Все получают нужное.

— Кроме Всеведа, если он утонет.

— Он не выйдет на воду. Выйдут княжеские люди.

— А книга увидит чьё лицо?

Яромир раздражённо стукнул ногтем по столу.

— Для этого и нужны договоры. Повинность можно исполнить нанятыми руками.

— Если в старой строке это разрешено, — сказал Савель. — Ты опять продаёшь раньше, чем прочёл.

— Тогда прочтём. Но не будем объявлять любую сделку злом только потому, что вчера одна оказалась плохой.

Савель наконец откусил хлеб. Он был свежий, с хрустящей коркой, из пекарни возле дома Ратичей. В детстве Яромир приносил такие караваи на мост по воскресеньям. Тверд резал хлеб одним движением и давал мальчикам крайние ломти, пока объяснял, как слушать воду в кладке. Тогда семейный сундук стоял под его кроватью, и никто не называл лица товаром.

— Когда ты начал их отдавать? — спросил Савель.

Яромир понял, о чём речь.

— После пожара в западном посаде.

— Там сгорела твоя красильня.

— И дом. И склад. И долговые расписки. Всё, кроме сундуков, потому что они стояли здесь у Тверда.

— Я предлагал тебе место на мосту.

— Ты предложил крутить ворот за две медные в день.

— Пока не отстроишься.

— Я был старше тебя на три года и уже держал восемь работников. Ты хотел сделать меня подручным.

— Я хотел дать работу.

— Работу, которую ты считал настоящей. Красильню ты называл торговлей тряпками.

Савель помнил. Сказал в сердцах, когда Яромир отказался прийти на срочную смену. Через месяц красильня сгорела, и слова остались между ними, как обугленная балка поперёк двери.

— Это было глупо, — сказал он.

Яромир поднял брови.

— Ты извиняешься спустя двадцать лет?

— Признаю, что был неправ. Это не делает твою торговлю правильной.

— Я и не ждал чуда.

Он разлил пиво по кружкам. Клим свою отодвинул.

— Тверд дал мне сундук в залог, — продолжил Яромир. — Ему нужны были деньги на новую цепь пролёта. Ты был на нижней опоре и не знал, что княжества задержали плату на четыре месяца. Я выкупил железо у кузнецов. Потом Тверд не вернул долг.

— Цепь оплачивала казна.

— Казна заплатила позже. Деньги ушли рабочим. Сундук остался у меня.

— Почему Тверд не сказал?

— Потому что смотритель, который заложил семейные лица ради моста, выглядел бы хуже торговца, который их принял.

Клим смотрел то на одного, то на другого.

— Значит, мост уже однажды купили этими лицами.

— Спасли, — сказал Яромир.

— За счёт людей, которые об этом не знали.

— В тот год пролёт не сорвало. Люди прошли. Иногда вещь становится ценой раньше, чем кто-то успеет спросить всех наследников.

Савель почувствовал знакомое давление под глазом. Не магию — память о тёплом воске и ладони Тверда на затылке.

— Мой слепок там есть?

Яромир отпил пиво.

— Есть.

— Клима?

— Нет.

— Мирона взяли без согласия. Мой тоже?

— Ты был мальчиком. Тверд снимал лица всех Ратичей.

— И ты собирался передать его князю.

— Передать набор целиком. Твоё лицо нельзя надеть, пока ты жив и признан книгами.

— А если мост лишит меня должности?

Яромир не ответил. Клим медленно встал.

— Вот зачем Лютобор спросил, тот ли я ученик. Он знает, что Савеля можно убрать, надеть его лицо на другого и показать книгам нового смотрителя.

— Нельзя передать память и умение, — сказал Яромир.

— Но можно передать узнаваемость. Потом заставить настоящих работников выполнять приказы человека с нужным лицом.

— Это ваши догадки.

— Это твоя цена, — сказал Савель.

Яромир тоже поднялся.

— Моя цена — сто восемьдесят серебряных княжеского займа. Под набор, не под твоё лицо отдельно. Я восстановлю красильню в камне, найму людей, верну Владе плату, закрою соль и найду каждого носителя. Если оставить сундук здесь, ты будешь месяцами сверять книги, а мои работники снова разойдутся.

— У тебя ещё есть работники?

— Трое. Они красят в чужом дворе и отдают половину хозяину.

Савель не знал. Он представлял Яромира человеком, который живёт одной продажей слепков, потому что так было проще презирать его.

— Покажи договор займа, — сказал Клим.

— Его привезёт Лютобор.

— Черновик.

Яромир достал из-за пазухи сложенный лист.

Клим развернул его. Савель читал через плечо. В залог передавались «все лицевые сходства рода Ратичей с вытекающими правами узнавания, взыскания и замещения». Последнее слово было написано мельче, но чернила не отличались.

— Замещения кого? — спросил Савель.

— Это обычная строка залоговой грамоты.

— Кого?

— Владельца права, если он не может исполнить обязанность.

— Моим лицом можно заместить меня на мосту.

— Только если обе княжеские книги примут нового носителя.

— Вельская примет лицо. Рубежная ищет обученного. Если надеть моё лицо на Клима, обе увидят одного человека.

Клим уронил лист на стол, словно тот обжёг пальцы.

Яромир побледнел второй раз за сутки.

— Я не предлагал этого.

— Но дал им всё необходимое, — сказал Савель. — Моё лицо, его имя в книге и право замещения.

— Лютобор не знает о различии записей.

— Вчера ночью знал, что Клим назначен следующим.

За дверью послышались шаги. Пришёл Гнат, запыхавшийся и злой.

— Свечник исчез. У красильщиков сказали, уехал до рассвета на север. Комната пуста, товар оставил.

Яромир резко повернулся к окну.

На вельской дороге уже двигалась крытая телега. Не княжеская коляска — простая грузовая, с опущенным пологом. Впереди ехали два вчерашних всадника Лютобора.

— Он не на север поехал, — сказал Клим.

Телега остановилась у заставы. Из неё вывели человека с лицом Силы Нерова: впалые щёки, сломанный нос, седая щетина. Руки свечника были связаны не верёвкой, а красной учётной лентой.

Лютобор вышел следом.

— Свидетель найден, — объявил он. — И долг тоже.

Всевед Руда ступил на мост. Красная книга заставы раскрылась сама. Страницы затрепетали, отыскивая ледоходную повинность. Свечник дёрнулся назад, но всадник подтолкнул его между лопаток.

— Я купил право на торговлю, — крикнул Всевед. — Яромир сказал, лицо чистое!

— Не говорил, — тихо произнёс Яромир.

Савель услышал.

— Что ты сказал ему на самом деле?

— Что в общем листе долгов нет. И что специальные повинности не проверены.

— Он понял?

— Он торговался два часа.

— Это не ответ.

Яромир сжал челюсти.

— Нет. Не понял.
Лютобор подвёл Всеведа к средней будке.
— Теперь у нас есть носитель, обязанность и княжеские лодки, — сказал десятник. —
Открывайте сундук. Мы оформим исполнение правильно.
— Сначала развяжите человека, — потребовал Савель.
— Он пытался скрыться от повинности.
— Он узнал о ней ночью.
— Достаточно рано, чтобы явиться добровольно.
Всевед поднял связанные руки.
— Я свечи делаю. Я в лодке был два раза, оба — летом.
— Грести будут дружинники, — сказал Лютобор. — Ты лишь явишь узнаваемое лицо
у затора.
— На льду?
— На берегу.
— В записи сказано «дать две лодки и вести снятие затора», — напомнил Бран, подходя
с чёрной книгой. — Вести с берега можно, если команда слышит. Но ответ за людей и лодки
останется на признанном носителе.
— Княжество возьмёт ущерб имуществу, — сказал Лютобор.
— А жизни? — спросил Клим.
Десятник помолчал.
— Жизнь каждый несёт свою.
— Кроме человека с чужим лицом. Он понесёт все.
Красная лента на руках Всеведа затянулась. Он застонал.
Савель подошёл и перерезал её мостовым ножом.
Всадники схватились за рукояти мечей.
— На мосту не связывают работника до того, как названа работа и принято согласие, —
сказал Савель.
— Он должник, — ответил Лютобор.
— Он носитель сходства. Это мы вчера научились различать.
— Вельский князь различает по своей книге.
— А мост стоит между княжествами.
Лютобор ударил тростью по камню.
— Именно поэтому князю надоело зависеть от одного зрителя. Передай семейный
набор добровольно, Савель. Княжество закроет старые долги, даст Яромиру заём и назначит
людей на каждую повинность. Ты останешься при затворах, если принесёшь новую присягу.
— А Клим?
— Будет твоим помощником.
— С моим лицом?
Тишина ответила раньше десятника.
Яромир вырвал черновик займа из рук Клим и разорвал пополам. Потом ещё раз. Куски
бросил в жаровню.
— Сделки не будет, — сказал он.
Лютобор даже не посмотрел на горящую бумагу.
— Черновик ничего не решает. Ты уже предложил залог и получил десять серебряных
задатка.
— Верну.
— Соль, возврат Владе, долги мастерской, задаток. Чем?
Яромир оглянулся на сундук за двумя замками.
— Не лицами.

— Тогда красильней, которой у тебя нет.

— Моей работой.

— За две медные в день? — спросил Лютобор.

Удар попал туда же, куда когда-то слова Савеля. Яромир покачнулся, но не отвёл взгляда.

— Если понадобится.

Савель достал медный ключ у Неждана и железный у Брана. Оба писца отдали их после короткого молчания. Он вставил ключи в замки, но не повернул.

— Откроем при всех, — сказал он. — Найдём пластину Силы и договор Всеведа. Не для передачи князю. Для снятия печати и точной записи того, что княжество обязуется сделать своими людьми.

— Я не давал такого обязательства, — сказал Лютобор.

— Тогда у вас нет и двух лодок. Есть только свечник, которого вы хотите выставить перед льдом.

Всевед ощупывал красные следы на запястьях.

— Снимайте лицо. Торговлю переживу.

— Уверены? — спросил Клим. — Вельск снова закроет вам речной двор.

— Лучше буду продавать с телеги, чем вести затор чужим носом.

— Свидетели слышали, — сказал Бран.

Неждан записал отказ. Яромир поставил под ним своё имя и впервые не добавил цену.

Они открыли оба замка вместе. Яромир сам нашёл серую пластину Силы Нерова и пустой карман. Договор Всеведа лежал в лёгком сундуке. В нём право на речную торговлю занимало семь строк, а предупреждение о непроверенных специальных повинностях — три слова на обороте, между именем писца и пятном воска.

— Я умею читать, — сказал Всевед. — Но это принял за пометку о пошлине.

— Я рассчитывал, что примешь, — ответил Яромир.

Он не оправдывался. От этого признание прозвучало хуже.

Печать сняли перед двумя книгами. Всевед назвал своё имя, ремесло, дом и три состава свечного воска, которых Сила Неров знать не мог. Яромир признал скрытую пометку своей уловкой и принял возврат торгового права вместе с обязанностью вернуть плату. Красная книга сопротивлялась дольше, чем с Владой: речная торговля действительно приносила Всеведу доход весь прошлый год. Тогда свечник согласился выплатить обычную пошлину за совершённые продажи, но отказался от ледоходной повинности, которой не знал и не мог исполнить.

Сходство Силы сошло с его лица сухой серой шелухой.

Лютобор наблюдал, пока всё не закончилось.

— Вы оставили княжество без лодок, — сказал он.

— Нет, — ответил Савель. — Мы оставили вам обязанность нанять лодки открыто.

— За серебро.

— За ту цену, которую работа имеет.

Десятник повернулся к Яромиру.

— Три дня на возврат задатка. Потом опишем имущество.

— Какое есть, — сказал Яромир.

— Вместе с долгами.

Он ушёл к коляске, но у каменной черты остановился.

— Савель Ратич, князь получит донесение, что ты препятствуешь взысканию и удерживаешь залог. К вечеру твоё лицо могут перестать признавать в Вельске.

— Пусть пришлют приказ под именем того, кто принимает ответственность за мост.

— Приказу не требуется ответственность. Только печать.

Коляска скрылась за заставой.

Савель запер сундуки снова. На этот раз Яромир сам проверил оба замка и отдал зелёную опись Неждану.

— Если моё лицо там, вынь его отдельно, — сказал Савель.

— Зачем?

— Чтобы никто не надел его на Клима.

— Если уничтожить слепок, князь решит, что ты скрываешь законное семейное право.

— А если оставить, попробует купить право вместе с человеком.

Клим покачал головой.

— Не уничтожать. Записать, что Савель жив, слепок снят без его взрослого согласия и не даёт права замещения. Пусть обе книги это примут сейчас.

— Могут не принять, — сказал Яромир.

— Тогда узнаем до того, как Вельск перестанет видеть настоящего Савеля.

Они достали пластину. На ней было лицо двенадцатилетнего мальчика: широкие скулы ещё не обозначились, нос не был сломан, губы упрямо сжаты. Савель не узнал себя, пока не увидел бирку.

«Савель Твердов сын Ратич. Для продолжения мостового лица».

Не службы. Не рода. Лица.

На обороте рукой Тверда было вырезано: «Если старший не сможет».

Яромир прочитал и закрыл глаза.

— Старший — я.

Савель посмотрел на него.

— Тверд готовил тебя в смотрители?

— До пожара. Потом я отказался.

— Поэтому он взял мой слепок.

— Поэтому назвал тебя младшим у моста. А меня оставил хранить то, чего я не захотел.

Клим бережно положил пластину на чистую бумагу.

— Значит, Яромир продавал не только чужие лица. Он продавал своё несостоявшееся место.

— Не смей жалеть меня, — сказал Яромир.

— Не жалею. Пытаюсь понять цену.

Под средней будкой ударила вода. Белая строка вспыхнула через щель в полу. Омутник заговорил голосом Тверда, которого не слышали много лет:

— Старший отказался. Младший ответил. Следующий назван.

Савель прижал ладонь к столу, чтобы не схватить детский слепок и не разбить о камень.

— Завтра спустимся к опоре, — сказал он. — Пора спросить того, кто всё это время считал наши лица одним и тем же человеком.

Глава 6. Дух под средней опорой

К средней опоре спускались на рассвете, пока река ещё не успела поднять дневной ветер.

Савель первым проверил лестницу. Ночная сырость покрыла железные скобы тонкой слизью; он протёр каждую горстью золы и дёрнул страховочный канат так, что верхний ворот жалобно скрипнул. Ружена стояла у рукояти, упираясь сапогами в поперечину. Рядом Бран держал конец второго каната, а Неждан раскрыл обе книги на ящике, защищённом от брызг промасленной кожей.

— Трое вниз — много, — сказала Ружена. — Особенно если один с перебитыми рёбрами, а второй всю жизнь предпочитал лестнице счётную доску.

— Не перебитыми, — возразил Клим. — Ушибленными.

— Вода различия не заметит.

Яромир заглянул через край настила и тут же отступил.

— Я могу отвечать сверху.

— Он говорил голосом Тверда тебе и мне, — сказал Савель. — Внизу спросим своими голосами.

— Ты уверен, что там вообще кто-то слушает вопросы?

— Нет.

Савель сказал это спокойно. За годы у моста он привык, что честное «нет» иногда надёжнее длинного обещания. Яромир перестал искать возражения и начал застёгивать страховочный пояс.

Клим спрятал под курткой три дощечки. На первой он записал условия своего вчерашнего согласия: одна проверка, восточный шов, до заката. На второй — отказ от общего долга. Третью оставил чистой.

— Для ответа? — спросил Савель.

— Для того, что он попытается заставить нас сказать.

— Тогда не записывай, пока не поймёшь цену.

— Поэтому она чистая.

Они назвали работу вслух. Савель отвечает за спуск и подъём. Ружена — за ворот и состояние канатов. Бран — за помощь у рукояти. Неждан — за точную запись услышанного, но не за обещания от имени Вельска. Клим спускается как свидетель своей записи, Яромир — как владелец семейных слепков и сторона прежней передачи. Никто не принимает службу после возвращения на настил.

Красная книга дрогнула на словах «после возвращения», но строка легла ровно. Чёрная книга приняла её без пятна.

— Уже лучше, чем в первый раз, — сказал Клим.

— В первый раз мы думали, что осторожность — это крепче завязать узел, — ответил Савель.

Он пошёл вниз.

Под настилом рассвет исчезал быстро. Сверху ещё синело небо, а через десять скоб оставалась только серая вода, камень и редкие полосы света между брёвнами. Река несла мелкие ветки. Они ударялись о бык и уходили в стороны, но течение всё чаще прижимало их к восточной грани.

На нижней площадке помещались трое, если стоять плечом к плечу. Для Яромира Савель опустил подвесную доску чуть выше воды. Родич спустился последним, обеими руками держась за канат и стараясь не смотреть вниз.

— Тверд водил тебя сюда? — спросил Клим.

— Один раз. Мне было шестнадцать. Велел слушать камень.

— И что ты услышал?

— Что мост никогда меня не отпустит, если я отвечу.

— Поэтому отказался?

Яромир встал на доску. Та качнулась, и он ухватился за стену.

— Поэтому сначала решил, что смогу. Отказался через девять лет.

Савель повернулся к нему.

— После пожара?

— До пожара. Красильня сгорела через три дня. Тверд считал, что река наказала меня за отказ.

— А ты?

— А я считал, что он подпалил её, чтобы мне некуда было возвращаться.

Клим замер с рукой на скобе.

— Считал или знал?

— В ту ночь его видели у красильного двора. Он говорил, что проверял цепь у склада. Цепь действительно была цела. Остальное сгорело.

Савель вспомнил отца в то утро: мокрый плащ, обожжённые пальцы, молчание за семейным столом. Тверд сказал тогда, что Яромир потерял дело из-за дешёвой печи. Савель поверил. Ему было тринадцать, и слова отца казались частью устройства мира — как течение с севера на юг и камень под ногами.

— Почему ты не сказал мне?

— Ты уже ходил за ним с молотком и повторял каждое слово. Кому мне было говорить?

Под площадкой что-то провело ногтями по кладке.

Белая строка проступила сразу по всей восточной грани. Теперь известь осыпалась не отдельными чешуйками, а длинной полосой. Савель снял перчатку и провёл пальцами по буквам.

«Пока оба берега пользуются переходом, всегда один отвечает за оба берега, являясь позову воды и оставляя после себя узнаваемого продолжателя».

Последние слова уходили ниже площадки, под тёмную поверхность.

— Не «сына», — сказал Клим. — Не «ученика». Продолжателя.

— Узнаваемого, — добавил Яромир.

Вода у опоры вздулась, хотя ветер ещё не дошёл сюда. Из неё поднялся блестящий вал величиной с человеческую голову и ударился о камень. Голоса не было. Потом из шва посыпался песок, и Тверд произнёс у самого Савелева уха:

— Старший отказался. Младший ответил. Следующий назван.

Яромир отшатнулся. Подвесная доска ушла из-под ноги. Клим поймал его за пояс и тут же поморщился от боли в боку.

— Не держи, если сорвусь, — выдохнул Яромир.

— Поздно советовать.

Савель упёрся сапогом в скобу и подтянул обоих к стене.

— Омутник, — позвал он. — Мы пришли спросить о договоре.

Камень ответил голосом Брана:

— Договор написан.

Настоящий Бран наверху выругался. Звук долетел глухо.

— Написанное можно прочитать по-разному, — сказал Савель.

— Вода читает исполнение.

— Тогда почему она узнаёт лицо?

Дух не ответил. По поверхности прошёл круг, хотя рядом ничего не упало.

Клим достал первую дощечку.

— Вчера вода приняла мою ограниченную работу. Она узнала не лицо, а слова и действие. Значит, лицо ей не нужно.

Из шва пришёл голос Клима, точный до хрипоты после ушиба:

— Следующий назван.

— Кем?

— Тем, кто отвечает.

— Савелем или Твердом?

— Тем, кто отвечает.

— Это не имя, — сказал Клим. — Это круг.

Белая строка блеснула ярче. Канат на его поясе натянулся к камню, но не затянулся, как вчера. Савель положил ладонь между верёвкой и курткой.

— Не спорь с ним одним словом. Дай ему поступок.

Клим кивнул и поднял дощечку так, чтобы мокрый камень видел запись.

— Я проверил восточный шов. Работа закончена до заката. Если я назван следующим, покажи, какое моё добровольное действие сделало меня продолжателем после этой проверки.

Вода обтекала опору. Сверху скрипел ворот. Дух молчал так долго, что Савель услышал собственное дыхание и частый стук капель по Яромировой пряжке.

Наконец голос Тверда сказал:

— Обученный остаётся рядом.

— Это действие Савеля, — ответил Клим. — Он обучал. Моё согласие где?

— Ты пришёл к воде.

— На одну проверку. Ты принял её предел.

— Пришедший услышал зов.

— Услышать не значит согласиться.

Шов потемнел. На мгновение Савелю показалось, что дух ушёл. Потом снизу поднялась холодная струя и обвила Климов сапог. Она держала его не крепче руки ребёнка, но вода под ногой стала глубокой, словно площадка вдруг оборвалась.

Савель рванул Клима к себе.

— Не трогай, — сказал Клим. — Он показывает условие.

— Он топит тебя.

— Пока нет.

Клим смотрел вниз. В воде отражалось не его лицо. На него глядел Мирон Вежа — старше, с короткой бородой и шрамом возле виска. Савель видел этого человека много лет назад, когда тот менял нижние балки. Мирон погиб не на мосту, а от зимней горячки, и всё же вода держала его образ без единой ряби.

— Это лицо моего отца, — сказал Клим.

— Узнаваемый продолжатель, — отозвался Омутник голосом Мирона.

— Я не ношу его.

— Книга несёт.

Вот оно. Савель наклонился ниже, невзирая на то, что вода почти коснулась его щеки.

— Не ты выбрал лицо. Книга принесла его тебе.

В отражении Мирон открыл рот, но заговорил Тверд:

— Люди дали знак. Вода держит знак.

— Какой знак дали сначала?

Белая строка дрогнула. Из-под извести проявилась ещё одна, более старая насечка, пересекавшая нынешние буквы. Она была почти стёрта. Клим провёл по ней углём на краю второй дощечки. Сначала вышли только отдельные дуги, затем слова:

«Тот, кто откроет и закроет затвор по зову, отвечает за свою работу до её окончания».

Яромир перечитал дважды.

- Здесь нет продолжателя.
- И одного на оба берега нет, — сказал Клим.
- Это прежняя запись, — ответил Омутник голосом незнакомой женщины.
- Значит, договор уже переписывали, — сказал Савель.
- Переход стал каменным. Долг стал долгим.
- Камень потребовал пожизненного человека?
- Люди потребовали крепости.

Савель прижал ладонь к холодной кладке. Перед ним складывалась история без летописей. Когда здесь был деревянный переход, каждый отвечал за своё движение затвора. Потом князья построили каменный мост и захотели, чтобы дух держал среднюю опору не одну смену, а всегда. Вместо того чтобы каждый раз собирать людей двух берегов, они дали реке одного узнаваемого ответчика. Чтобы смерть не прерывала удобство, добавили продолжателя. А когда одного имени оказалось мало, книги привязали обязанность к лицу.

- Кто добавил узнаваемость? — спросил он.

Вода показала сразу несколько лиц, наложенных одно на другое. Среди них был Тверд, молодой Яромир, сам Савель в детстве и незнакомые мужчины и женщины.

- Те, кто не хотел приходить дважды, — ответил дух.
- Князья?
- Берега.
- Имена.
- Печати под водой.

Неждан сверху крикнул, что записывает, но требует повторить последнюю фразу. Омутник повторил её голосом самого Неждана. Писец замолчал.

— Значит, печати двух княжеств лежат ниже строки, — сказал Клим. — Переписать договор можно только с теми, кто их поставил.

- С теми, кто пользуется, — поправил дух.
- Сейчас пользуются не те же люди.
- Берега те же.

Яромир неожиданно рассмеялся. Смех вышел коротким и злым.

— Вот почему князья так любят наследственные лица. Они научили воду считать берег человеком, а потом научились считать человеком лицо.

- Отражение у его ног изменилось. Теперь в нём был Тверд.
- Ты отказался, — сказал отец.

Яромир вцепился в канат.

- Да.
- Младший заплатил.
- Не за мой отказ. За твою запись.
- Мост устоял.
- Красильня сгорела.

Вода приподнялась до края доски. Лицо Тверда не изменилось.

- Огонь очистил путь.

Савель почувствовал, как Яромир рядом перестал дрожать. Не успокоился — затвердел.

- Это ты? — спросил он.

Омутник ответил не сразу:

- Он принёс огонь. Вода запомнила дым.

Яромир закрыл глаза. Савель хотел положить руку ему на плечо, но не сделал этого. Сейчас прикосновение могло стать и жалостью, и попыткой удержать, а Яромир имел право хотя бы на собственную ярость.

- Ты знал, — сказал Савель.

— Я надеялся, что ошибся.

— Не ошибся.

— От этого не легче.

Клим убрал дощечки под куртку.

— Омутник, договор нельзя расторгнуть?

— Пока мост стоит и берега ходят, вода держит камень, человек держит ответ.

— Можно переписать?

— Был переписан.

— Что для этого нужно сейчас?

Волна ударила в опору. Подвесная доска качнулась. Ружена сверху немедленно выбрала слабинку каната, и пояс Савеля дёрнулся вверх.

Голос духа пришёл сразу из камня, воды и мокрой верёвки:

— Назвать прежнюю плату. Исполнить взятое. Привести тех, кто пользуется. Назвать каждому работу. Назвать воде работу. Не оставить пустого часа. Поставить знаки двух берегов. Дать согласного вместо согласного.

Клим повторил условия медленно, чтобы Неждан успел записать.

— «Дать согласного вместо согласного» означает одного нового человека?

— Не оставить пустого часа.

— Это не ответ.

— Вода читает исполнение.

Савель вспомнил разделённую смену: Ружена двигала затвор один раз, Клим проверял один шов, писцы держали свои ворота. Ни один не был общим смотрителем, но пустого часа не возникло. Дух принял работу, хотя продолжал требовать имя следующего.

— Если каждый час закрыт добровольной работой, один продолжатель не нужен, — сказал он.

Вода стала гладкой.

— Не нужен? — повторил Савель.

— Не оставляйте пустого часа.

— А если кто-то не явится?

— Камень не держит обещание отсутствующего.

— Значит, мост закроется.

— Вода возьмёт проход.

Цена оказалась простой и потому страшной. Новый договор мог обойтись без пожизненного носителя, но только если обе стороны признают: при незакрытой работе мост надо закрывать, теряя пошлины, торговлю и княжеское удобство. Старый порядок превращал отсутствие работника в личную вину одного смотрителя и заставлял его платить телом. Новый заставит берега платить остановкой движения.

Яромир понял одновременно с Савелем.

— Они не согласятся, — сказал он. — Им легче держать тебя здесь всегда.

— Тогда приведём их к часу, который никто не захочет назвать своим.

— Большая вода, — сказал Клим.

— Большая вода, — подтвердил Савель.

Омутник заговорил голосом Ружены:

— Семь дней.

Сверху настоящая Ружена крикнула:

— Шесть дней и остаток! Веху только что накрыло!

Течение вспухло у площадки. Холодная петля снова обвилась вокруг ноги Клим и на этот раз поползла выше, к колену.

— Он торопит, — сказал Яромир.

— Нет, — Клим вцепился в скобу. — Проверяет пустой час.
На чистой дощечке проступила влажная строка. Никто не касался её углём:
«До переписи следующий отвечает за явку».

— Я отказался, — сказал Клим.

— Книга назвала, — отозвался дух.

— Книга ошиблась.

— Книга держит знак.

Савель вынул нож. Резать воду было бессмысленно, но он просунул лезвие под прозрачную петлю. Сталь покрылась инеем. Петля не ослабла.

— Возьми мою явку до переписи, — сказал он.

Клим резко повернул голову.

— Нет.

— Я действующий смотритель.

— Именно поэтому нельзя. Он превратит явку в всё остальное.

Савель посмотрел на старую насечку: отвечает за свою работу до её окончания. Не за человека. Не за службу целиком.

— Я, Савель Ратич, принимаю шесть явок к средней опоре: по одной на рассвете каждого дня до большой воды. Только осмотр высеченной строки и уровня воды. Без спуска ниже площадки, без передачи обязанности и без ответа за не названную работу. Каждая явка заканчивается возвращением на настил и записью уровня двумя писцами.

Вода на миг сжала Климову ногу. Потом петля лопнула брызгами.

Красная и чёрная книги наверху одновременно хлопнули страницами.

— Принято, — крикнул Неждан. — Обеими. Но здесь появилась приписка: если Савель не явится, книга снова позовёт названного следующего.

— Не согласного, — сказал Клим. — Названного.

— До переписи, — напомнил Савель. — У нас шесть дней.

— И если тебя задержит княжеский приказ, болезнь или оборванная лестница, вода возьмёт меня.

— Поэтому у тебя будет ключ от моего дома, а у Ружены — право вытащить меня из любой постели.

— Не смешно.

— Я и не шучу.

Яромир смотрел на чистую дощечку, где влажные слова уже исчезали.

— Можно назвать явки не одному человеку. Завтра ты, послезавтра я.

— Ты предлагаешь согласие? — спросил Клим.

— На одну явку. С подъёмом обратно. Я умею читать условия, когда их не прячут на обороте.

Савель покачал головой.

— Сегодня хватит. Сначала запишем точные границы и проверим, что твоя одна явка не оживит старшее место.

— Ты всё ещё решаешь за меня.

— Нет. Я отказываюсь принимать твоё согласие, пока не могу назвать риск. Ты научил. Яромир хотел ответить резко, но передумал.

— Ладно. Запиши риск.

Клим провёл углём по третьей дощечке. На ней появились четыре короткие строки: прежняя плата, взятое, пользователи, работы. Потом он добавил пятую: пустой час закрывает мост, а не человеческая жизнь.

— Ещё знаки берегов, — сказал Савель.

— И работа воды, — напомнил Яромир.

— Какая у тебя работа? — спросил Савель у духа.

Омутник ответил голосом реки, без человеческих слов. Под площадкой загудело, и белый шов стянулся. Из него перестал сыпаться песок. Течение разделилось перед опорой на две ровные струи; ветка, летевшая прямо в камень, прошла между ними и выплыла с другой стороны целой.

Клим улыбнулся впервые со вчерашнего вечера.

— Держать кладку и отводить удар воды.

— До какого предела? — спросил Савель.

Шов снова раскрылся на толщину ногтя.

— Пока люди держат затворы, — сказал дух голосом Ружены.

— Значит, твоя работа тоже имеет условие.

— Вода читает исполнение.

— Мы запишем прощ.

Савель потянул сигнальный канат. Наверху Ружена начала подъём.

Клим ушёл первым. Яромир задержался на подвесной доске и посмотрел в воду, где больше не было лица Тверда.

— Он принёс огонь, — сказал Яромир. — Все эти годы я продавал слепки, чтобы вернуть то, что отец сжёг ради моста.

— Это объясняет красильню, — ответил Савель. — Не Владу и не Всеведа.

— Знаю.

— И долг не исчез.

— Знаю.

— Но теперь ты можешь вернуть не только деньги.

Яромир поднял глаза.

— Что?

— Свидетельство. Ты был назван старшим и отказался. Ты знаешь, что согласие возможно и что оно не наследуется автоматически. Обе книги должны это услышать.

— Они услышат отказ человека, который потом торговал лицами. Удобный свидетель.

— Другого у нас нет.

— Есть Омутник.

— Князья скажут, что мы слышали плеск.

— Тогда вытащим их сюда.

— Обоих?

Яромир усмехнулся.

— Пусть хотя бы их людей. Тех, кто вправе поставить знаки и боится намочить сапоги.

Они поднялись на настил. Утренний свет ослепил после серой тесноты под мостом. Неждан и Бран стояли над книгами, каждый прижимая ладонью свою страницу. На обеих проступил одинаковый список условий, но последняя строка различалась.

В красной книге было написано: «Вельский берег приводит полномочного держателя печати».

В чёрной: «Рубежный берег приводит того, кто примет свою работу при закрытом переходе».

— Даже требования разные, — сказал Бран.

— Потому что берега разные, — ответил Савель. — Не будем делать вид, будто один человек может сказать за оба.

Ружена осмотрела Климову ногу. На коже остался бледный круг, но пальцы двигались, кость была цела. Потом она проверила Яромировы ладони: тот содрал кожу о канат.

— В следующий раз возьмишь перчатки, счетовод.

— В следующий раз я останусь сверху.

— Так я тебе и поверила.

Неждан перечитал запись разговора. Он не украшал слова и не пытался сделать Омутника разумнее, чем тот был. В списке осталось шесть требований: назвать прежнюю плату, исполнить уже взятое, привести представителей обоих пользующихся берегов, разделить работы без пустого часа, отдельно назвать работу воды, поставить две печати. Согласие должно относиться к каждой работе и сроку; лицо само по себе согласия не заменяет. Пока переписи нет, Савель обязан совершить шесть утренних явок, иначе книга снова потянется к Климу.

— «Договор нельзя расторгнуть», — сказал Бран. — Это остаётся?

— Пока мостом пользуются и Омутник держит опору, — ответил Савель. — Можно прекратить пользование и разобрать мост. Можно оставить старый договор. Можно переписать работы. Простого слова, которое отменит всё без платы, нет.

— Князь спросит, почему дух должен участвовать в новом договоре, — сказал Неждан.

— Потому что он работает.

— Князь не любит считать реку стороной.

— Зато любит, когда она бесплатно держит его камень.

Неждан обмакнул перо.

— Это я запишу не дословно.

— Запиши дословно.

Со стороны Вельска ударил колокол заставы. Не дорожный, как ночью, а приказной: два тяжёлых удара, пауза, ещё два. Неждан побледнел раньше, чем гонец выбежал на мост.

Молодой стражник нёс свиток на вытянутых руках, будто бумага могла обжечь. Печать на нём была синяя, княжеская. Он остановился перед каменной чертой и потребовал смотрителя.

— Здесь, — сказал Савель.

Стражник посмотрел прямо на него, потом на Клима, Яромира и Ружену.

— Кого из вас?

Неждан медленно закрыл красную книгу.

— Назови имя из приказа.

— Савель Ратич.

— Он перед тобой.

Стражник снова оглядел всех четверых. Его взгляд прошёл по Савелеву лицу без узнавания.

— Мне велено вручить Савелю Ратичу приказ об отстранении от мостовой службы до расследования удержания княжеского залога. Здесь его нет.

Яромир выругался.

Лютобор исполнил угрозу раньше полудня. Вельск перестал узнавать настоящее лицо Савеля.

Под настилом Омутник тихо, почти довольно произнёс голосом Тверда:

— Пустой час близко.

Глава 7. Девять дней до большой воды

Гонец держал свиток обеими руками и смотрел сквозь Савеля так, словно перед ним стоял столб, случайно научившийся говорить.

— Здесь Савеля Ратича нет, — повторил он. — Я должен вручить приказ лично.

— А если он не примет? — спросил Клим.

— Тогда приказ огласят при свидетелях и повесят на заставе.

— Оглашай.

Стражник покосился на него. Молодой, с пухом вместо усов, он явно заучил дорогу, поклон и первые две строки, но не то, что делать, когда известный всему мосту смотритель оказывается неизвестным.

— Ты кто?

— Клим Вежа, мостовой ученик.

На это имя синяя печать отозвалась лёгким треском. Гонец сразу выпрямился. Клим поморщился: собственная узнаваемость прежде была вещью такой же незаметной, как сухая обувь. Теперь всякий раз, когда книга или печать подтверждала его имя, он слышал в этом щелчок замка.

Савель протянул руку к свитку.

— Дай сюда.

Гонец отдёнул бумагу.

— Не положено.

— Я сорок лет хожу по этому мосту. Двадцать два года смотрю затворы. Ты приносил мне зимний приказ о лесных плотях.

Юноша нахмурился. В его глазах мелькнуло усилие, почти боль. Он искал знакомого человека в памяти и не мог совместить память с лицом.

— Зимний приказ я отдавал Савелю Ратичу.

— Я его и принял.

— Нет.

Сказано было без злости. От этого стало хуже.

Савель знал, что нос не изменился, седая прядь осталась на месте, левую бровь по-прежнему пересекал шрам от сорванной скобы. В лужице между камнями он видел обычное своё лицо. Но взгляд гонца не цеплялся ни за одну черту. Значит, Лютобор не надел на другого детский слепок из сундука. Он сделал проще: заставил вельские книги отвернуться от настоящего Савеля.

Неждан подошёл к гонцу и показал писцовую бляху.

— Я приму оглашение как служитель заставной книги. Бран засвидетельствует со стороны Рубежного.

— Приказ вельский. Рубежный писец ему не свидетель.

— Мост общий, — сказал Бран. — Или ваш приказ заканчивается у каменной черты?

Стражник посмотрел под ноги. Он стоял как раз на черте двух княжеств и поспешно переступил к Вельску.

Савель сказал:

— Читай громко. Река тоже послушает.

Гонец развернул свиток. Синяя печать блеснула и отвернулась от Савеля гладким краем.

Приказ был составлен так, чтобы никто не мог поймать его за одну ложь. Савеля Ратича отстраняли от управления вельской половиной Каменного Перевеса до выяснения причин задержки княжеского имущества и сокрытия семейного залога. На мосту открывали перепись людей, способных принять временную службу. На неё отводили девять дней. Пока имя нового

служителя не внесено в книгу, затворы следовало держать в положении, назначенном десятником княжеских имуществ Лютобором Стужей.

Гонец дочитал и облегчённо выдохнул.

— Где положение затворов? — спросил Савель.

— Десятник пришлёт.

— Когда?

— Сегодня.

— Большая вода через шесть дней.

— В приказе написано девять.

— В приказе вода распишется?

Юноша покраснел.

Неждан забрал у него писцовую копию, быстро пробежал глазами и постучал ногтем по нижней строке.

— Срок считают по княжескому календарю от завтрашнего рассвета. Девять полных дней.

— Они прибавили ночь, — сказал Клим.

— Они прибавили три дня, которых у нас нет, — поправил Савель.

Бран раскрыл чёрную книгу на последней водомерной записи. Ружена вчера вырезала на свае новую зарубку. Тёмная черта воды лежала всего на две ладони ниже неё.

— Верховые дожди дошли до Трёх Бродов, — сказал Бран. — Рубежные лодочники видели кору и свежую хвою. Это не календарь. Это вода.

— Моя служба — вручить приказ, — ответил гонец.

— Ты его не вручил, — напомнил Савель.

— Огласил.

— Тогда запомни, кому.

Гонец замялся.

— Писцам и ученику.

Не Савелю. Даже свидетельствовать о встрече с ним юноша не мог.

Савель почувствовал короткое и опасное желание схватить его за ворот, подвести к водомерной свае и держать над водой, пока узнавание не вернётся от страха. Он сцепил пальцы за спиной. Чужая слепота не была виной гонца. Именно на такой злости держались лицевые долги: человек бил ближайшего, а запись оставалась цела.

— Неждан, перепиши приказ в обе книги дословно. Рядом поставь сегодняшний уровень. Бран, отметь, что девятидневный срок выходит за ожидаемую большую воду на три дня. Клим, готовь лестницу. У нас первая явка.

— Тебе запрещено управлять вельской половиной, — сказал гонец.

— Я не управляю. Я иду осмотреть строку и воду, как согласился до приказа. Без спуска ниже площадки, без затворов и без новой обязанности.

— Но ты не Савель Ратич.

— Для твоей печати — нет. Для реки проверим.

Омутник под настилом перестал смеяться голосом Тверда. Вода ударила в среднюю опору один раз, тяжело, как кулак в дверь.

Клим не двинулся к лестнице.

— Сначала границы явки, — сказал он.

— Мы вчера их записали.

— Вчера тебя признавали обе книги. Сегодня одна от тебя отвернулась. Риск изменился.

Савель хотел приказать. Привычное слово уже поднялось к языку, но он увидел бледный круг на Климовой ноге.

— Верно. Читай.

Клим снял со стены будки дощечку. На ней были вырезаны условия: одна явка на рассвете, осмотр высеченной строки и уровня воды, без спуска ниже площадки, без передачи долга, без ответа за неназванную работу; окончание — возвращение на настил и запись двумя писцами.

— Рассвет уже прошёл, — заметил Бран.

— На четверть часа, — сказал Неждан.

— Для книги четверть часа бывает щелью шире ворот.

Савель поднял голову. Солнце только показалось из-за рубежных сосен. Вчера, соглашаясь на шесть явок, он думал о рассвете как о поре, а не о точном ударе колокола. Река же любила то, что люди оставляли неточным.

— Почему опоздали? — спросил Клим.

Неждан поднял приказ.

Ответ был перед ними. Они потратили время на чужое оглашение.

Белый шов на опоре засветился сквозь воду. Красная книга сама раскрылась, хотя лежала закрытой под ладонью Неждана. По странице поползла мокрая строка: «Названный не явился. Следующий обученный...»

Клим отступил. Кожаный пояс на нём дёрнулся к перилам.

Савель ухватил ученика за плечо. На этот раз вода не тянула тело вниз. Она тянула узнавание: Климово имя проступало на железных скобах, на воротной цепи, на кольцах сигнального каната. Каждая вещь, которой он учился пользоваться, объявляла его следующим.

— Он не соглашался, — сказал Савель.

— Названный, — ответил Омутник голосом Тверда. — Не согласный.

— Я пришёл.

— Рассвет прошёл.

— День начался не по княжескому колоколу, — крикнул Клим. — Свет ещё не коснулся западного парапета.

Все посмотрели на длинную тень средней будки. Её край лежал в двух шагах от вельского парапета.

Савель понял, что Клим не спорит о красоте утра. На мосту рассвет испокон веку определяли не появлением солнца над дальним лесом, а первым лучом на западной стенке: только тогда сторож гасил ночной фонарь и открывал дневной проход.

— Бран, запись прошлых смен, — приказал Савель.

— Ты не можешь приказывать писцу другого княжества.

— Прошу.

Бран уже листал книгу.

— «Рассветная смена начинается, когда свет касается вельского парапета у медного гнезда». Запись при закладке моста, подтверждена обеими сторонами.

— Вельская книга меня не признаёт, — сказал Савель. — Пусть признает собственную меру времени.

Неждан положил палец на старую строку. Климов пояс ослаб. Имена на железе побледнели, но не исчезли.

До медного гнезда оставалась ладонь тени.

— Лестницу, — сказал Савель.

Ружена пристегнула к его поясу страховочный канат. Сделала это молча и слишком туго.

— Я только до площадки.

— Знаю.

— Если вода потянет ниже, поднимаете.

— Знаю.

— Если приказные люди тронут ворот...

— Это уже неназванная работа. Не бери её с собой.

Она толкнула его к лестнице. Савель перекинул ногу через парапет. Гонец ахнул, словно неведомый седой человек решил утопиться у него на глазах.

Спуск до площадки занимал меньше минуты. Сегодня каждая перекладина задавала один вопрос: кто идёт? Железо не узнавало ладоней. Камень не отзывался привычной лёгкой дрожью под сапогом. Только река знала его — или знала долг, который к нему был привязан.

Свет полз к медному гнезду.

Савель встал на площадку и не коснулся нижней лестницы.

— Явился, — произнёс он. — Савель Ратич. Первая из шести явок. Осмотр строки и уровня воды. Остального не принимаю.

Белый шов раскрылся. На камне сияло прежнее: «Всегда один отвечает за оба берега». Ниже проявилась новая тонкая царапина, которой вчера не было: «Неузнанный ответить не может».

Савель почувствовал, как мост отпускает его вес. Не тело — право стоять здесь. Подошвы заскользили по сухому камню, будто площадку намазали жиром.

— Канат! — крикнула Ружена.

Клим и Яромир выбрали слабину. Савель упал на колено, удержался за край и вслух прочёл обе строки. Наверху писцы повторили их, каждый со своей стороны.

— Уровень! — крикнул Клим.

Водомерная свая дрожала рядом. Ночная вода поднялась на три пальца. Если подъём сохранится, большая вода придёт не через шесть полных дней, а к ночи пятого.

Савель назвал отметку. Бран повторил. Неждан молчал.

— Записывай! — крикнул Савель.

— Красная книга не принимает показание от неизвестного лица.

Свет коснулся края медного гнезда.

На скобах наверху снова вспыхнуло Климово имя.

— Я вижу уровень! — Клим перегнулся через перила ровно настолько, насколько позволила Руженина рука на его поясе. — Три пальца выше вчерашней метки. Свидетельствую как ученик Клим Вежа.

Красная книга приняла запись. В ту же секунду площадка перестала скользить. Река не вернула Савелю узнаваемость; она позволила завершить работу через признанного свидетеля.

— Явка окончена после возвращения, — напомнил Клим.

Савель поднялся. Лестница вдруг показалась длиннее, чем при спуске. Каждая железная ступень требовала от него не навыка, а чужого подтверждения. Клим называл вслух: первая перекладина, вторая, поворот у скобы, рука на камне. Савель злился на этот детский счёт, пока не понял, что ученик не ведёт его, а свидетельствует мосту о каждом действии человека, которого мостовая книга отказывается видеть.

Когда он перевалился через парапет, обе книги хлопнули страницами. В чёрной появилась ровная строка о первой явке. В красной — та же запись, но имя Савеля осталось пустым. Неждан вписал его от руки рядом и поставил личный знак.

— Первая завершена, — сказал Бран.

Климовы имена исчезли с железа.

Савель развязал страховку. Ладони у него дрожали, хотя спуск был самым коротким из всех, какие он делал за жизнь.

— Пять, — сказал Омутник снизу.

— Пять явок, — уточнил Клим. — Не дней.

Вода промолчала.

Гонец всё ещё стоял у черты. Теперь он смотрел на Савеля с испугом, но не с узнаванием.

— Я должен сообщить, что неизвестный человек проник к средней опоре.

— Сообщи, — сказал Савель. — И добавь уровень воды.

— Мне велено докладывать десятнику.

— Тогда передай ему: если он пришлёт положение затворов после подъёма ещё на локоть, его приказ можно будет прибить к обломку моста.

Юноша ушёл почти бегом.

После него на вельском конце появился первый цепной пост. Четверо стражников вынесли переносную решётку и поставили поперёк половины настила. Старший, Добрята, каждую весну пил с Савелем кислый квас у водомера. Теперь он узнал Неждана, Клим и даже Яромира, которого видел дважды, а Савелю велел предъявить проходную дощечку.

— Моя дощечка в будке, — сказал Савель.

— Чужим в служебную будку нельзя.

— Ты сам чинил там окно прошлой осенью.

Добрята отвёл взгляд.

— Чинил для смотрителя.

Савель мог перечислить имена его детей, шрам под кольчугой и долг в три кружки за проигранные кости. Ничто из этого не превращало его в признанного человека. Личная память оставалась, но каждый раз, когда стражник пытался связать её с лицом и должностью, связь рвалась.

— Пропусти его как моего помощника, — сказал Клим.

Савель резко повернулся.

— Нет.

— Иначе тебя не пустят к твоей постели.

— Дом на рубежном берегу.

— А будка, ключи и инструменты здесь. Ты можешь быть моим помощником на один переход до двери. Без передачи службы и без признания ученичества с твоей стороны.

Яромир хмыкнул.

— Дожил, младший. Теперь ученик нанимает тебя поднести ключ.

— Помолчи.

— Не буду. Если ты откажешься из гордости, Лютобор получит будку.

Клим ждал. Он не пытался смягчить предложение. Савель вдруг увидел, как редко за два года сам оставлял ему такую тишину для решения.

— На один переход до двери, — сказал Савель. — Только пройти решётку. Ты не принимаешь моих явок и долга.

— Я, Клим Вежа, называю Савеля Ратича своим помощником для прохода от каменной черты до средней будки сейчас. Работа заканчивается у порога. Я не принимаю его службу, явки и речной долг.

Добрята услышал имя, но лицо Савеля всё равно не узнал. Зато служебная дощечка в руке Клим нагрелась, принимая ограниченную связь.

— Помощник ученика проходит, — неохотно сказал стражник.

Савель перешагнул решётку. Унижение оказалось не в том, что Клим назвал его помощником. Унижение было в облегчении, с которым он согласился стать хоть кем-нибудь, лишь бы дойти до собственной двери.

В будке они нашли вельскую половину шкафа опечатанной. Синяя лента проходила через ручки, захватывала ящик с ключами затворов и запасной воротный зуб. Рубежную половину не тронули. Посередине стола лежало извещение: до окончания девятидневной переписи всякий доступ отстранённого смотрителя к вельскому имуществу считать попыткой присвоения.

— Они пришли ночью, — сказала Ружена. — Пока мы были под опорой.

— Кто пустил?

— Ключ был у заставы по старому правилу пожара.

Савель осмотрел ленту, не касаясь. Опечатав ящик, Лютобор забрал не только власть. Там хранился малый железный ключ от западного затвора, которым открывали ручной ход, если главная цепь заедала. Во время большой воды без него пришлось бы выбивать замок кувалдой.

— Западный запасной ключ надо вынести, — сказал Клим.

— Нарушить печать?

— Вернуть вещь мосту до паводка.

— Если сорвём ленту сейчас, Лютобор назовёт нас ворами и закроет весь переход.

— А если не сорвём, он сможет ждать девять дней.

Яромир присел перед шкафом.

— Синяя печать узнаёт не только лицо. Она перечисляет имущество. Прочтём, что именно они опечатали.

Неждан побледнел.

— Вскрывать княжескую печать чтением тоже нельзя без полномочия.

— Поэтому прочтёшь ты. Ты служишь книге.

— Я служу заставе, а не вашим уловкам.

— Девять дней, — сказал Савель. — Через девять дней шкаф может стоять на дне. Ты хочешь честно охранять его там?

Неждан не ответил. Он поднёс к ленте красную книгу, не прикасаясь печатью. На странице проступила опись: сборные весы, три мешка пломб, вельский денежный ящик, связка проходных дощечек, два должностных плаща, запасной ключ от денежного сундука.

Западного затворного ключа в описи не было.

— Лютобор не знал, что он там, — сказал Клим.

— Или знал и не хотел отвечать за его изъятие, — возразил Савель.

Яромир указал на узкую щель между створками шкафа.

— Если вещь не названа, печать её не держит.

— Рука не пройдёт.

— Рука нет.

Ружена принесла из каменного ящика гибкий шуп с крючком, которым доставала тряпки из стоков. Савель знал точное место ключа: третий гвоздь справа, за кожаным фартуком. Он встал перед шкафом, но синяя печать потемнела.

— Тебя она считает отстранённым, — сказал Неждан. — Любое действие будет присвоением.

Клим взял шуп.

— А меня?

— Учеником, пока нового служителя не назначили.

— Я достану неназванный ключ как работу безопасности. До большой воды он хранится у двух писцов, в ящике с двумя замками.

Савель показал, как повернуть крючок. Клим трижды цеплял фартук, один раз уронил связку и наконец вытянул ключ через щель. Лента не порвалась. Синяя печать вздрогнула, но красная книга не открыла долговой строки.

Неждан держал ключ так, будто тот был горячим.

— Один предмет мы спасли. Что с остальными ключами?

— Рубежные остаются у Брана. Главный ворот пока ходит общей цепью. Западный ручной — у вас двоих. Восточный запасной висит с рубежной стороны. Этого хватит на сутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.